

18+

Катя Абель

*Здравствуйте, я — любовница
вашего мужа*

Это правдивая история

Катя Абель
Здравствуйте. Я –
любовница вашего мужа.
Это правдивая история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11280397

ISBN 9785447415310

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Девять из десяти семейных жизней имеют оборотную сторону. Об этом не говорят, но об этом все знают. Мир делится на жен и любовниц. Жены живут напоказ, любовницы – тайно. Жены демонстрируют миру, что все хорошо, любовницы – то, что все хорошо, от мира скрывают. У тех и других – отдельная правда и общий интерес. Книга написана в полудокументальном жанре, откровенность автора близка к дневниковой. Все герои и истории – реальны. Это роман об изменах, мечте и борьбе, но самое главное, он – о любви. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Здравствуйте. Я – любовница вашего мужа	8
Часть первая. Начало	10
Разговоры в машине	10
Миша	14
Разговоры в машине	16
В ночи	17
У морали две стороны	20
Лёша. Мой первый женатый мужчина	23
Любимый	32
Миша	34
Разговоры в машине	35
Когда он мне не пишет	38
Любимый	41
Миша	42
Разговоры по телефону	50
Миша	52
Иван	58
Знаменитость	62
Иван	66
Отвечай за меня	72
Такое кино	75
Знаменитость	78

Знаменитость и Иван	82
Отступать некуда	85
Разбудить поцелуем	91
Не думай, а прыгай	97
Давай, уедем ото всех	103
Любовь, болезнь и новые трудности	105
Тревожно	109
Отпустите, у меня любовь	112
Завтра	115
В пути	120
А знаешь, всё ещё будет	125
Для чего я здесь	130
Все пути предначертаны	132
Болезнь	138
Лирическое отступление	140
Я ухожу	141
Последняя гастроль	142
Не уходи	149
Занавес	150
Пролог	154
Миша	160
Про племянника Чикатилло	163
Межвременье	172
Конец ознакомительного фрагмента.	173

**Здравствуйте. Я –
любовница вашего мужа
Это правдивая история**

Катя Абель

Фотограф Дарья Дроздова

© Катя Абель, 2018

© Дарья Дроздова, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-1531-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Пока писалась книга, я всё время возвращалась к вопросу: имею ли право её выпускать? Учитывая, что в ней нет ни одной придуманной истории, что большая часть её героев – публичные, а то и известные на всю страну люди?

Да и зачем самой так обнажаться перед чужими глазами? Мне не стыдно за себя, это, наверное, главное.

Имею ли я право писать о чужой жизни?

Да, потому что эти люди так или иначе явились частью моей жизни, писать о которой мне никто запретить не может – ни по каким этическим нормам.

Я проживаю свою частную уникальную биографию, и она, благодаря тем, о ком я пишу, получилась вот такой. Это – моя молодость, какой бы прекрасной или уродливой она не казалась, и я хочу сохранить её, не искажая рисунок.

В этой книге нет виноватых и правых. Больше всего мне хотелось бы, чтобы после её прочтения не выносились вердикты, не ставились бы оценки, ситуации не загонялись бы в привычные нашему пониманию шаблоны. Это – жизнь, она течёт каждый день, видоизменяется и не укладывается в рамки, придуманные нами, подгонять её под стереотипы – ограничивать пространство вокруг себя и себя в пространстве.

Я попыталась отразить прожитый мною временной кусок через призму своего, крайне субъективного восприятия, я имею на это право, как живописец имеет право написать на холсте рассвет, за которым он наблюдает.

Для того, чтобы не зарабатывать свои очки на чужой популярности, я изменила все имена. То, что герои моей книги – известные люди, имеет значение только для внутреннего контекста. Не более того.

Ещё раз делаю акцент на полной субъективности всего рассказанного. Спасибо вам.

Сентиментальные записки счастливой блудницы.

Все имена вымышленные.

Истории настоящие.

Здравствуйте. Я – любовница вашего мужа

Как вы о нём заботитесь, когда он не со мной, хорошо ли? Следите ли за тем, чтобы он не уставал? Чтобы принимал лекарство, которое ему прописал врач? Чтобы не нервничал по пустякам? Не давайте, пожалуйста, ему нервничать по пустякам, а то он и так много тратится, а если ещё – по пустякам, так что же от него останется? Знаете, я очень на вас надеюсь. Надеюсь, что вы его любите и бережёте. И не трепете ему нервы. Что вот эти семейные скандалы и разборки – они не про вас. Так мне хочется думать. Потому что мне надо знать, что, когда он не со мной, с ним всё в порядке. А, следовательно, вы тоже можете на меня надеяться, когда он не с вами.

Хотя, я ему сама нервы здорово треплю. Причем сознательно. Утверждаюсь таким образом. Потому что – будь его воля – я была бы покорной и безмолвной. В смысле – куда показали, туда и встала. Что сказали, то и сделала. Дали знак – замолчала. Но это – его мечты заоблачные, потому что я по природе своей – не такая. Я бунтую и говорю ему: ага, а не пойти ли тебе? И мы ссоримся постоянно. И он меня любит. Ту, какая я есть.

Любит. Вас резануло слово? Глупости. Если я – не ревную к вам, то какой смысл вам – ревновать ко мне? Я у вас его не отбираю. Это он декларирует себя как свободного человека. Так что если что – разбирайтесь с его самомнением.

Есть в наших с ним отношениях один трудный момент. Два. Ну, во-первых, он мне не пишет, когда он с вами. И я его понимаю. И даже уважаю: не хочет быть двуличным. Но, если смотреть в целом, двуличия его от того, что он не пишет мне, когда приезжает домой, не намного меньше, чем, когда он отвечает вам на сообщения, лежа со мной рядом. Я просто чувствую себя одиноко, когда от него нет вестей, вот и всё.

И второй трудный для момент. Любить человека, зная, что придется от него отказаться. Не то, чтобы я очень на него рассчитывала в будущем, я вообще по своей практике ни на кого не рассчитываю, но знать, что настанет момент, когда придется отрезать от себя – ножницами – по живому – любимое и дорогое – вот это непросто.

«Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец! Слава безумцам, которые живут себе так, будто они бессмертны!»

И пусть это вас со мной примиряет. А в остальном – все вопросы к вашему мужу.

Часть первая. Начало

Разговоры в машине

Мы с моей подругой Яной ездим по утрам на йогу. На интимную йогу. Укрепляем мышцы, тренируем чувственность, раскрываем женский потенциал. Нам с подругой свойственна тяга к совершенству. По понедельникам и средам. Мы ездим на большой красивой машине. На нас смотрят прохожие и думают: вот сучки... Хотя мы – не сучки. Но приятно знать, как они заблуждаются. Машина подарена моей подруге её любимым мужчиной. Женатым любимым мужчиной. Молодец – женатый любимый мужчина, я считаю. Хорошо, что подарил машину. Более того. Хорошо, что подарил хорошую машину. Красивую и дорогую.

От своего женатого любимого я подарков не жду. Мой любимый не просто расстаётся с деньгами. Это видно каждый раз, когда, уезжая от него утром, я прошу 500 рублей на такси. Вернее, прошу не каждый раз. Только, когда слишком надоедает ходить ногами километры от метро до дома. Моего и его. Тем более по ночам.

Он дает мне эти 500 рублей, но чувствуется, как они ему дороги. Хотя гонорар его за один рабочий день в два раза превышает мою месячную зарплату. Тем более, сейчас я

не работаю. Но это всё пустяки. Я же с ним не из-за денег.

Когда мы ездим с подругой Яной на йогу, мы говорим о любимых. И о нелюбимых. И о посторонних. Мы говорим с ней о разном, но чаще всего – о мужчинах.

– Яна, – предлагаю я тему, – я выявила главную мужскую черту в отношениях с женщиной.

– Какую? – охотно отзывается она.

– Страх.

Даю несколько секунд на осмысление.

– Вот для меня понятие страха в отношениях отсутствует. Я не боюсь. Вообще не боюсь. И ты не боишься.

– Не боюсь.

– А они – боятся. Боятся – всего. Ты не замечала, что у женщин, когда они между собой обсуждают мужчин, в ходу одни и те же фразы: «не делай этого, ты его напугаешь», или «ну всё ясно, он испугался» или «он испугается и убежит». И все понимают, о чём речь. А представить, что один мужчина говорит другому о своей любовнице «и тут она испугалась» – практически невозможно. Потому что сразу возникает вопрос: что же он ей такое страшное показал, что она испугалась?

– Брррр! Катя!...

Смеёмся. Мы вообще много смеёмся. Даже в те моменты, когда ничего кроме как плакать не остается. Это нас и сбли-

жает.

– Получается, напугать женщину – это абсурд, – продолжаю я, – а испугать мужчину – суровые будни. Вот у меня есть Миша. И у нас с ним все хорошо. Он мне всё время говорит, какая я прекрасная, водит меня в кино, кормит в ресторанах, балует и не перестает мною восхищаться. И вот завтра, предположим, после секса, который, между прочим, был хорошим, я, целуя его, скажу: «Я Тебя Люблю». Что будет?

– Он убежит.

– Ты представляешь, как далеко он убежит? До самого метро. А до метро от моего дома, между прочим, две остановки. Он добежит до метро и в этот момент вспомнит, что на метро уже десять лет не ездит, и что около моего подъезда у него стоит машина.

– Но за ней он вернется поздно ночью. Чтобы не встретить тебя.

– Нет! Он попросит ее забрать кого-нибудь из знакомых. Яна! Они боятся всего. Боятся, что ты их женишь на себе, боятся, что ты их заставишь жить вместе...

– Вместе с кем?

– А просто – вместе! Ты не чувствуешь, какое слово страшное – «вместе»!

– Да, «вместе» – это уже страшно!

– Господи, ребята, не бойтесь! Зайцы дорогие, да кому вы

нужны?

– А еще они боятся любви. И в этом сами признаются.

– Да! И это самое главное. «Почему ты решил с ней расстаться?» – «Я испугался, я почувствовал, что она мне стала слишком дорога!» Ты понимаешь? Яна! Ты понимаешь, что они – дураки? Господи, какие они все дураки!...

Миша

Мы сидим в кафе с моим женатым любовником. Не с женатым любимым, а с женатым любовником. Прошу их не путать. Оба женаты. Но одного я люблю, а с другим мне весело и интересно. Вот такая разница. Я не виновата, что они женаты.

Значит, с Мишей мне весело и интересно. И легко. С любимым – трудно. То яма, то канава. Но я сейчас про Мишу. Мы сидим с Мишей в японском кафе после кино, едим суши. Смотрим в окно на ночной дождливый Невский. Пьём вино. И я завожу ту же пластинку, что и с Яной. Чего боится мужчина? Хорошее, кстати, название для учебника по психологии. И Миша мне, сразу же, не моргнув глазом, отвечает: любви.

Мужчина боится любви.

Тут я просто взлетаю от восторга (так честно и точно ответил!) и возмущения, и раздражаюсь минут на семь высоким монологом о том, какая редкость – любовь. О том, какое счастье – любовь.

О том, что она дается так редко, а живём мы все – для неё, ради неё, потому что единицы – живут ради дела, из-за которого стоит жить, у остальных лишь – суета и пустота,

и, если нет любви, все бессмысленно, что только любовь наполняет и осмысляет жизнь, но ее так мало, так мало вокруг, что если ты ее встречаешь, если она к тебе приходит, то как ты можешь, сволочь такая, топтать ее сапогом, когда ее надо ловить, прятать в ладонях, согревать дыханием, не моргать и говорить шепотом.

А когда она полетит от тебя, хватать за хвост, пытаюсь продлить, ещё чуть-чуть, последние мгновения: «ещё понравься!» А когда уже ушла, совсем, безвозвратно, быть счастливым от того, что это с тобой случилось, ты это чувствовал.

Потому что, если ты не чувствуешь, то тебя – нет.

Как любви можно бояться?

– Катенька, – отвечает мне Миша, – я с тобой совершенно согласен. Я подпишусь под каждым твоим словом. Но я не буду с тобой разговаривать на эту тему.

– Но почему, Миша, почему? Давай поговорим! Мне очень нужно знать! Скажи мне! Это безотносительно! Безотносительно тебя и меня! Давай поговорим отвлечённо, чисто теоретически, ответь мне: как можно бояться любви?

– Я не буду, Катенька, говорить с тобой на эту тему, прости, – отвечает мне Миша.

И пропал после этой ночи недели на две.

Разговоры в машине

– А почему женщины не боятся?

– А потому что женщина всегда сможет разругить ситуацию. Напугать нас активностью – довольно сложно, мы к ней привыкли и умеем с ней справляться.

– Знаешь, что я отвечаю, когда мужчина говорит мне: выходи за меня замуж?

– Что?

– Я говорю: хорошо, я выйду за тебя замуж.

– И он пугается.

– Да. И он пугается.

– Женщина всегда сможет разругить ситуацию.

В ночи

Я еду к любимому в ночи. Выхожу из дома, голосую на дороге.

Почему я не заказываю такси к подъезду, я не знаю. Наверное, из-за того, что не хочу ждать машину и не хочу, чтобы машина ждала меня. Не хочу быть готовой к определенной минуте. Потому что время, когда я собираюсь к нему, течет в другом измерении: воздух становится плотным, наполненным предчувствием, предощущением счастья, я – это уже немножечко не я, а – женщина, которую ждёт мой любимый, и я чуть-чуть как будто со стороны за ней наблюдаю, и действия мои – такие повседневные – высушить волосы, одеться, накрасить глаза – подчинены звучащей во мне музыке и обретают почти ритуальный смысл.

И когда я выхожу в ночь, вокруг меня звенят колокольчики.

Я ловлю машину на дороге, и в пути отсылаю ему сообщение:

«Я – в такси, буду через сорок минут, не засыпай без меня ...)))».

По моим сияющим глазам, блуждающей улыбке и аромату духов, а, может быть, по звуку колокольчиков, водитель

понимает, что я еду на свидание и проникается важностью момента. Это чувствуется в особо уважительной интонации, когда он в пути уточняет адрес, или мы говорим с ним о каких-нибудь пустяках.

Я разговариваю с водителем, а сама отсчитываю улицы, которые нам осталось проехать. Напряженная как стрела, улыбаюсь на шутки, шучу сама, тетива натягивается, натягивается и замирает перед мгновением...

Останавливаемся около его дома. Через темноту мрачной арки выхожу в двор-колодец, затем налево, к подъезду, сердце стучит. Вот в который раз подхожу, а сердце каждый раз – как в первый – выпрыгивает из груди. Набираю две цифры в домофоне, звоню. Как всегда без слов дверь открывается.

Поднимаюсь пешком на четвертый этаж.
От ступенек наверх становится жарко.

Перед последним лестничным пролетом останавливаюсь на две секунды: восстановить дыхание.

Подхожу к квартире.
Дверь открыта.
Захожу.
Закрываю.

Попадаю в темноту прихожей.

В комнате работает телевизор.

Он выходит ко мне.

Улыбаюсь ему. Улыбается мне.

Обнимает меня, не давая времени на то, чтобы снять пальто. Пальто само падает на пол.

«Ну, здравствуй...» – целует он моё лицо...

«Здравствуй...» – отвечаю я своему любимому.

У морали две стороны

Мир делится на жён и любовниц. Так мне иногда начинает казаться.

Жёны живут напоказ, любовницы – тайно. Жёны демонстрируют миру, что все хорошо, держат лицо в любой ситуации. Любовницы тоже держат лицо и то, что все хорошо, от мира скрывают.

Иногда жёны сами становятся любовницами. Иногда любовницы становятся жёнами.

Но в основном эти статусы не переплетаются.

Жёны ненавидят любовниц, любовницы не жалуют жён.

У тех и других – отдельная правда и общий интерес – мужчина.

Я – женщина по ту сторону морали. Со мной мужчины изменяют жёнам.

Моя мама переживает за то, что у меня нет стабильных отношений. Она не знает, что я сплю с чужими мужьями. Но чует: что-то неправильное происходит с ее дочкой.

Неправильное стало происходить, когда в моей жизни появился первый несвободный мужчина. Мне было двадцать два. Я знала, что это временный момент, я шла на компромиссы с громкоговорящей во мне совестью, и считала, что все происходящее – нонсенс. За прошедшее с той поры вре-

мя нонсенс превратился в норму, и я к ужасу своему поняла: что-то неправильное происходит со всеми.

С теми, кто изменяет. С теми, кому изменяют. С теми, с кем изменяют.

Девять из десяти семейных жизней имеют оборотную сторону. Об этом не говорят. Но об этом все знают. Знают мужья, знают жёны, знают друзья семьи, знают соседи, знают прохожие, знают случайные люди. Знают все, но все скрывают. Семья окутана облаком мнимого благополучия. Или не в верности счастье.

Я знаю точно, что счастья нет, когда люди врут.

Это мое понимание, которое я никому не навязываю.

Когда начинается враньё, уходит доверие. Доверие – самая хрупкая, самая эфемерная, безвозвратно утрачиваемая ценность. Совравший раз соврёт и вновь. предавший раз предаст меня снова.

Что такое предательство? Подстава под удар.

С момента первой подставы человек живет в ожидании ее повторения. В ожидании нового удара, который по нему нанесут, если тайное вновь станет явным.

Трудно быть счастливым, если постоянно ждёшь минуту, когда по тебе врежут.

Итак, значит, я – любовница. Это не мой выбор. Я хотела бы быть женой. Той, которой не изменяют. Я хотела бы

любить своего мужчину и жить с ним в чистоте душевной.

Это – мечта моя давняя, пока несбывшаяся.

Хотела бы я поменяться местами с жёнами, которым изменяют мужа в моей постели?

Я думаю, что нет.

Надеюсь ли я, что мужа оставят своих жён, женятся на мне, и мы заживем с ними чистой и безгрешной жизнью?

Я думаю, что нет.

Знаю ли я мужчин, которые не изменяют своим женщинам?

Я думаю, что знаю. Двоих.

Я знаю о мире очень мало. Мое знание субъективно и строится на собственном опыте. Мой опыт смешон по сравнению с мировыми масштабами.

Но я знаю точно, что любое явление в этой жизни имеет не две, не три, а гораздо больше сторон, с которых ему можно дать оценку. Ничто в мире не является однозначным.

Я делаю шаг навстречу женщине, с чьим мужем я сплю.

Что-то случилось со всеми нами, запуталось, натянулось. Не выйти, не выбраться из этой паутины, перебираем лапками, перебираем, запутываемся еще больше, делаем друг другу больно. Все тщетно.

Я говорю ей: прости меня, что забираю его у тебя.

И я прощу тебя за то, что он останется с тобой.

Лёша. Мой первый женатый мужчина

Лёша. Актер. Мне 22, ему 33.

У меня большая несчастливая любовь. Мой избранник мотает мне нервы полгода: мы не вместе, но далеко от себя он меня не отпускает. Я измучена неизвестностью. Я не понимаю, что от меня хотят и хотят ли. Мне 22 года. Я в силу возраста вообще ничего не понимаю.

И появляется мужчина. Высокий, взрослый, уверенный в себе. Он заезжает ко мне на работу, чтобы провести со мной пару часов, накормить ужином, а потом отвезти домой, хотя сам живет на другом конце города. Он активен в своей заинтересованности во мне.

У него есть жена и десятилетний сын. Сын – в Харькове, у бабушки, жена – в Болгарии на гастролях.

Мы целуемся у него в машине. А за окном – май, солнце и ярко зелёные деревья. Обо мне давно никто не заботился. Там – мне играли на нервах как на скрипке, здесь – предупреждают любое желание. Он приезжает ко мне каждый день. По выходным мы ездим на залив. Гуляем в обнимку по песчаному берегу, заходим в ресторанчики, пьем вино

и едим вкуснейшие шашлыки. Нам интересно друг с другом.

Через двадцать восемь дней это кончится. Через двадцать восемь дней вернётся его жена, и мы перестанем встречаться. Вообще. Я это знаю. Мы как-то сразу выяснили, кажется, на втором свидании, что у нас есть всего двадцать восемь дней.

Почему я на это соглашаюсь? Потому что нервы у меня вымотаны другим, и мне очень нужно, чтобы меня любили. Пусть даже в строго ограниченные сроки.

Я живу с мамой и сестрой.

Мы ночуем у него, больше нигде. Мы спим в его супружеской постели.

По утрам я выхожу из квартиры первая, прохожу мимо соседей у подъезда, заворачиваю за угол, не спеша иду по тротуару с независимым видом. Иду вперед, куда глядят глаза. Через пару минут он догоняет меня на машине, я заскакиваю на переднее сидение, и мы едем завтракать.

Меня немного тошнит от происходящего. От этих утренних проходов. От двухкомнатной хрущевки, где за стеклами доисторического серванта поставлены портреты его жены и сына, от белья, на котором он год за годом выполняет супружеский долг. Но я знаю, что всё это – временно. Что я никому не причиняю вред. И что мне очень нужно, чтобы

меня любили.

Однажды ночью нас разбудил звонок в дверь. Сердце моё выскочило из груди и запрыгало по полу. Я поняла, что с гастролей вернулась раньше времени жена. В голове метались мысли: сейчас она зайдёт в квартиру, включит свет и увидит меня, голую, в своей постели, под своим одеялом. Что мне делать? Что делать? Ничего не сделать!

Не знаю, что думал он, когда шёл открывать, но ужас и стыд, что я пережила за те секунды, если не полностью, то в большей части наказали меня за этот адюльтер.

Это звонила какая-то алкашка, которая ошиблась дверью: квартира была на первом этаже.

В наш последний вечер он привез меня к дому. Накрапывал дождь. Капли бежали по стеклу. Он сказал: «Эти капли похожи на слезы...». Это было очень романтическое высказывание к тому моменту.

Перед тем, как навсегда расстаться, мы послушали мою любимую песню: «Давай разожжём костер и согреем хоть одну любовь...»

Была у нас такая своя традиция, мы всегда ее слушали, прежде чем я выходила из машины.

Потом он сказал: а чёрт с ним! Поехали на озера! И мы

поехали на озеро, и целовались еще лишних два с половиной часа в машине. А потом он уехал.

Из двадцати восьми дней мы встречались двадцать шесть. После расставания было очень трудно привыкать к тому, что меня бросили.

От меня ушёл друг. Хочется плакать, но слезы не идут. С каждым днем становится все больнее. Я не думала, я не ждала, что это будет так трудно. Как можно выбросить живого человека? Внутренняя катастрофа. Очередная внутренняя катастрофа. От меня ушёл друг. И опять эти пустые бесполезные дни. Попытка распределить себя на множество бытовых забот, чтобы потихоньку, по капельке выпускать эту боль наружу. Я смеюсь, когда говорю с людьми. Почему я смеюсь, когда хочется плакать? Потому что нельзя по-другому, нельзя без жертв. Потому что, если не я, то – другие. Но в жертву принесли меня. И нет выхода. Самое главное тут – нет выхода. Я в любом случае не могу быть с ним. Но без него – так пусто! От меня ушёл друг. Надо научиться жить без друга. Почему в жертвах именно я? Потому что я сама и в мыслях не допускаю других жертв. Следовательно, сама себе еще и враг. Слёзы, где мои слёзы? От меня ушел друг.

Чтобы отвлечься, я уехала работать вожатой в детский ла-

герь. Иногда приходила к телефонной будке, из которой пионеры звонили родителям, набирала знакомый номер, слушала его «алё» и клала трубку на рычаг. Мне надо было знать, что он где-то есть.

Через месяц я вернулась. Он позвонил. Сказал, что у него случилась беда, спросил, могу ли я с ним встретиться. Я ответила: конечно.

Мы поехали на залив. По дороге он рассказал, что ехал ко мне с максимальной скоростью и думал: хорошо бы сейчас врезаться в какой-нибудь столб, так, чтобы один момент – и всё было кончено.

Три дня назад он узнал, что у его жены на гастролях был любовник. Узнал до банальности просто. Любовник не заморачивался с конспирацией, а взял и позвонил к ним домой, и, когда на его звонок никто не ответил, он оставил сообщение чужой жене на автоответчике: люблю, скучаю, жду приезда...

Когда сообщение было обнаружено, дома состоялся грандиозный скандал, в результате чего жена заявила, что хочет развода. Лёша такой подлости от нее не ожидал и совсем пал духом. Даже пошёл к психологу. Увидел телефон в газете: «Психологическая помощь в трудные моменты вашей жизни». Момент в жизни был трудный. Он позвонил и поехал.

По адресу выяснилось, что это – обычная квартира.

Встретил его мужичок в спортивном костюме, пригласил пройти в комнату. Сели за стол, друг напротив друга.

– Ну, рассказывайте, – попросил мужичок.

– Понимаете, – начал Лёша, с трудом подыскивая слова, – мне изменила жена...

В этот момент зазвонил телефон. Мужичок снял трубку. Ответил кому-то, хорошо знакомому:

– Пошли маленькие пузырьки? Замечательно. Когда сахар растворится, максимально увеличь огонь. Как только сильно закипит, добавить сок из лимона и засеки восемь минут. Да, хорошо.

Он повесил трубку.

– Извините, – повернулся к Лёше, – так что у вас случилось?

Лёша вздохнул, собираясь с мыслями.

– Понимаете, от меня ушла жена. Оказалось, что у нее есть любовник.

– А вы сами жене изменяете? – заинтересовался мужичок.

– Ну, как сказать... – Лёша замялся, – по-разному бывало. Но дело не в этом. Если у меня что-то было, она об этом никогда не знала. А тут, выяснилось, что у нее – любовник...

Снова зазвонил телефон.

– Извините, – сказал мужичок и снял трубку, – Алё. Да. Закипело? Максимально увеличь огонь. Сколько минут прошло? Как пройдет восемь, снимай кастрюлю с ог-

ня, капни чайной ложкой на блюдо. Если варенье растекается, надо доваривать еще три минуты. Если нет – выключай. Хорошо, всё, давай.

Леша посмотрел на мужичка повнимательнее.

– Извините, – снова сказал тот, – так что там у вас произошло?

Леша помолчал. Потом захотел проверить:

– У меня жена к любовнику ушла.

– Неприятно, неприятно. Ну а вы-то сами как, жене изменяете?

«Я имею дело с сумасшедшим» – подумал Лёша. В этот момент снова зазвонил телефон. Мужичок ответил.

– Растекается? Отлично. Вари еще три минуты. Потом сними с огня, капай еще раз. Надо, чтобы варенье не растекалось, было тугим. Да, звони, как станет тугим. Я не могу сейчас, у меня пациент.

«Может, это способ терапии такой? – подумал Лёша, – чтобы пациент расслабился, почувствовал себя в домашней обстановке, где всё хорошо, где варят варенье...?»

От мужичка он все-таки ушел, оставив деньги за прием. О жене поговорить не удалось.

О жене говорила с ним я. Раскладывала ситуацию по полочкам. Давай посмотрим с этой стороны, теперь – с этой. Теперь посмотрим на нее снизу. Затем – сверху. Может быть, так. А может – этак. И то, и другое – нормально. Жизнь про-

должается, Лёша. У тебя есть сын, это главное.

Я работала с ним часов шесть. Именно – работала, потому как, почувствовав, что ему внемлют, жалеют и любят, Лёша разошёлся на всю катушку и уже не считал нужным казаться сдержанным, сильным и мужественным. И когда он снова и снова начинал гнуть линию «какая она тварь, жить из-за нее не хочу» возвращать его в состояние «да, неприятно, но жизнь на этом не заканчивается» требовало невероятных эмоциональных затрат.

– Какой я дурак! – говорил Лёша, – Зачем я пошёл к этому дебильному дядьке, деньги ему платил? Надо было сразу позвонить тебе! Ты – лучше любого психолога, нет, честное слово...

К концу нашей прогулки я выдохлась окончательно. Когда мы подъехали к моему дому, Лёша сказал:

– Я не могу сейчас оставаться один. Мне нужен кто-то. Пожалуйста, поехали со мной.

– Хорошо, – вздохнула я, – только зайду домой за зубной щеткой.

И мы поехали к нему. И снова я работала психологом.

Взбунтовалась лишь поздней ночью, когда к эмоциональному утешению Лёша потребовал еще и физического. И сильно удивился отказу:

– Ты что? Тебе жалко, что ли? Поверь, мне это сейчас

очень нужно!

– Но мне это, Лёша, совсем не нужно. Это ведь тоже важно, правда?

– Да, это тоже важно, – обиделся на меня Лёша.

Так закончился мой первый роман с женатым мужчиной.

P. S.

Лёша развелся со своей женой. В течении года он иногда заходил ко мне на работу. Общаться с ним было тяжело, почти невыносимо. Из-за пережитого стресса он превратился в удивительного зануду, доказывающего на каждом шагу, что все женщины – гулящие, и верить ни одной нельзя. О том, чтобы возобновить наш майский роман, не могло быть и речи.

Любимый

Я убираю квартиру. Почему-то думаю про Яну и ее мужчину. О том, что он вчера ей звонил. Мысль – она невесомая, что откуда берётся, что за что цепляется, трудно проследить. Думаю о том, что никогда не слышала голоса мужчины Яны. Интересно, какой он у него? Может, я услышу и подумаю: фи, ерунда... Я – голосовая маньячка. Я определяю голоса почти безошибочно. Я не смогу пропеть вам услышанную мелодию, но узнаю людей, звонящих мне по телефону с незнакомых номеров. Я называю актёров дубляжа почти безошибочно. Я улавливаю малейшие изменения тембра и интонации. Кстати, моя сестра с абсолютным музыкальным слухом, никогда ничьих голосов не узнаёт. А мы с мамой – всегда. Для меня мужчина – это 50 процентов его голос. Если брутальный красавец говорит в не принимаемой моим ухом тональности, у него нет шансов. И наоборот, если у плешивого незнакомца – красивый низкий бас, то случайная встреча может обернуться большой симпатией. И вот я думаю про мужчину Яны: какой голос у него? И тут же: а какой голос у моего любимого? И понимаю: у моего любимого нет голоса. Нет голоса, который бы мне нравился. Вот то есть, совсем. Это на сто процентов НЕ МОЙ голос. НЕСОВПАДЕНИЕ ВО ВСЕМ. Это НЕ МОЙ МУЖЧИНА по всем показателям.

Но, Господи, как же я его люблю.

Миша

Если рассказать о Мише одним словом, это слово будет «хороший».

Разговоры в машине

9 утра. Яна ищет нужную радиостанцию.

– Здесь у них тема, как женить мужчину.

Меня от этой формулировки слегка передёргивает. Дано: один мужчина. (Или не один?) Требуется: женить. Решение:...

– И вывод по статистике... ну, или не по статистике, по звонкам, по сообщениям, в общем, вывод один: сам по себе мужчина жениться не хочет. Только если женщина особо постарается.

– То есть, забеременеет?

– Ну, не обязательно. То есть, если очень захочет его на себе женить, и приложит максимум усилий...

Ее перебивает ди-джей из динамика:

– ...и вот пришло новое сообщение. «А мой муж женился на мне из-за того, что я ему дорога. Потому что одному ему было бы лучше: и места больше в квартире, и денег... А он – взял и женился».

Я перебиваю ди-джея из динамика:

– Какой мужественный. Вот знаешь, я, например, совсем не уверена, хочу ли я замуж. Мне кажется, что не хочу. Мне трудно представить, как я вообще с кем-то жить вместе буду, не то, что замужем. Вот я пришла вчера вечером домой, усталая как собака. Носило меня весь день по городу, и все

ножками, ножками. Пришла домой с пакетами из магазина. Тяжёлыми. Голодная. И прежде чем себе борщ готовый разогреть – просто на плиту кастрюлю поставить, я минут пятнадцать потупила, глядя в монитор компьютера, пока в себя не пришла... Так вот если представить, что я в таком состоянии возвращаюсь домой, и вместо «потупить 15 минут» мне надо тут же волчком завертеться, чтобы ужин на семью приготовить, носы потереть, посуду помыть, штаны постирать... Так гори оно знаешь, каким огнём?

– А я тебе скажу, что со временем привыкаешь, и все это делаешь почти автоматически...

– Не уверена. Вот мне 33 года, я живу одна. И мне – хорошо. Я сама на себя зарабатываю. На еду, на развлечения, на путешествия. И я никому ничего не должна. Я не говорю уже про настроение плохое, когда приходишь домой и – так, отошли все, меня не трогать, вообще – сейчас – меня – не трогать. Тебе в этот момент напишет кто-нибудь в интернете, не то, что позвонит – так ему мало не покажется. А тут кто-то будет лезть с вопросами, разговорами, заданиями, приставаниями... Да у меня, как я это представляю, фобия совместного существования развивается! Просто жить вместе – трудно! А – замуж? Какой замуж?! «Здравствуйте, это – мой муж!»

Янка смеется.

– Ха-ха! «Мой муж!»

– Ужас! Мой муж! И что – всё, тупик? Я же всю жизнь

ищу СВОЕГО мужчину. А тут, получается, я его НАШЛА? И что же дальше? А как жить без этого прекрасного поиска?

– Вот поэтому люди и уезжают на раскопки.

– Куда?

– Ну, археологами, например, становятся. Потому что поиск закончен, а привычка искать осталась.

– А очередь из прекрасных и пока неизвестных мне любовников? Что с ней делать? Я ведь не буду мужу изменять... Куда их девать?

Опять смеемся.

– Короче, замуж ты не хочешь.

– Не хочу. Получается. А все считают, что хочу. Все вокруг смотрят на меня и думают: ей 33 года. И она не замужем. Да она за любого пойдёт. К каждому – с ножом к горлу: ЖЕНИСЬ НА МНЕ!!! Понимаешь?

– И тетки жалеют: бедная, никто не берёт...

– А мужики все время начеку, все время в оппозиции внутренней: сейчас, сейчас она меня в оборот будет брать. Потому что ей 33! И она ХОЧЕТ ЗАМУЖ!!! Да кому ты нужен? Джо Неуловимый! Неуловимый потому, что тебя давно уже никто не ловит! Кто ты такой, чтобы мне за тебя замуж хотелось?

Когда он мне не пишет

Иногда приходят дни затопляющего отчаяния. Когда молчит телефон. И не ясно, то ли работы много, то ли жена приехала, то ли я перестала быть нужной. Хочется спрятаться под одеяло, закрыться с головой и замереть, свернувшись калачиком: не трогайте меня, не трогайте... Работы много – простить можно, жена приехала – можно понять. Но то, что ты меня больше не любишь – это преступно. Это всё. Крах. И мне надо возрождаться из этого пепла. Потому что я – красивая, умная и талантливая. И нужна большому количеству людей. И то, что ты не входишь в их число – это твое упущение, а не моё. Ты мне тоже больше не нужен.

И если в этот момент придет такое долгожданное смс: «Как ты, котя-кэт?», то в ответ можно и по голове получить. Я отвечу что-нибудь пренебрежительное, или не отвечу вообще. Но смс не приходит. И тогда я думаю о себе: господи, ну что ты за дура. Человек работает сутками, подумаешь, два дня не пишет. Что такое два дня? Вспомни, как ты работала на износ, доползала до дома и падала... И, если смс придет в тот момент, когда я так думаю, я отвечу: «Скучаю по тебе, милый. Как ты поживаешь?».

Если пропустить и эту стадию, то следующим состоянием будет «приехала жена». Я понимаю, семья – это всё. Почему, кстати, я так полноценно и добровольно приняла это за ак-

сиому? Почему я – это чуть-чуть, а семья – всё? Ладно, семья – всё. Но почему я – чуть-чуть? Почему я НА ЭТО соглашаюсь?

Я – совсем не чуть-чуть. Я – в своей системе координат – центральная точка, и не надо отправлять ее куда-то, в сторону заполярного круга, даже временно.

Хорошо, к тебе приехала жена. Так скажи мне об этом, чтобы я на стенку от своих догадок не лезла. Как скажи? Я не знаю, как скажи! «Катя, ко мне приехала жена, поэтому у тебя есть свободных пять дней» – меня не устроит. Я не знаю. Видимо, меня вообще не устраивает то, что к мужчине, которого я люблю, приезжает жена. Видимо, меня вообще не устраивает, что у мужчины, которого я люблю, – есть жена.

Надо выбираться из этого, надо, надо... Ты не пиши мне вообще больше, ладно? Всё, всё, всё. Всё, вообще не пиши. Не надо. Я как-нибудь без тебя. Я смогу. Потому что нельзя больше так. Нельзя так со мной.

И вот после этого я знаю, что будет. Три чёрных дня. Когда не хочется ничего: ни есть, ни пить, ни спать. И очень страшно оставаться одной, потому что сразу накатывает такая безысходность, что выть хочется. И воешь. Небольшими дозами выпуская из себя боль. Тихим протяжным звуком. И кот на это смотрит потрясённый.

Потом приходит период осмысления. А что собственно такого случилось? Чего ты сорвалась? Ну, приехала жена.

Ну, уехала жена. А ты здесь одна сейчас, воешь от боли. А могла бы быть с ним. В его руках. Под его одеялом. Просто пока в моей жизни идёт тот период, что я – не могу без него. Надо дождаться периода, когда – смогу, и тогда уже уходить. Но как отмотать всё обратно? Как сделать так, чтобы не было произнесено слова «всё»? Я не знаю. Я не знаю. Я не знаю. И снова – в яму отчаяния. Все кончено. Больше ничего не будет. Он больше никогда мне не напишет. Как жить дальше?

И когда вдруг через неделю приходит смс: «Как ты, italian girl?», сердце бьёт в груди чечётку, темнеет в глазах, и горят кончики пальцев.

И я минуты три просто сижу, замерев, пытаюсь успокоиться.

И потом спокойными, не дрожащими руками набираю ответ: «Соскучилась по тебе».

Любимый

Если рассказать о моем любимом одним словом, это слово будет «трудный».

Миша

Мишу я знаю сто лет. Вернее, не сто, а тринадцать. Тринадцать лет назад, учась на четвёртом курсе факультета искусств, я пришла на практику в театр.

И сразу же влюбилась. Не в Мишу, в другого. Нервного, издёрганного, сутулого, с тревожными глазами. Влюбилась навзрыд, на разрыв аорты, с абсолютной уверенностью: это мой мужчина. Только он и больше никто. Мы расстались с ним тогда, тринадцать лет назад, после двух свиданий. Довольно удачных, кстати. Почему расстались, я не знаю до сих пор. Через полгода была третья встреча, окончившаяся резким и бесповоротным разрывом.

После нее, задыхаясь, я много лет находилась на привязи надежды, что всё-таки когда-нибудь сойдется этот пасьянс. Не сошёлся. Невидимый поводок, на котором я существовала, натягивался, натягивался и оборвался в тот момент, когда я поняла, что любимый для меня теперь важнее этого издёрганного, с тревожными глазами мужчины.

Мой любимый – лидер в моей жизни по несовпадениям со мной – внутренним, внешним – любим, оказался нужнее человека, единственного из всех, ради которого я, быть может, и была сделана.

Но речь не об этом. Речь о Мише, об актёре, работающем в театре, в который я пришла на практику 13 лет назад.

Он был голосист, высок и красив. Но зомбированная своей любовью к издёрганному и сутулому, я не видела никого другого. Все остальные мужчины были для меня теньями. Я проходила мимо с неизменной улыбкой и через секунду о них забывала. Иногда эти тени, к моему удивлению вдруг отделялись от стен, обретали плоть, и зажимали меня в различных театральных закоулках. Но обескураженные моим безразличием в самом начале атаки, бывали нейтрализованы всего парой движений, которыми я отстраняла их от себя. Одним из них был Миша.

Однажды на гастролях поздно ночью он пытался поцеловать меня в коридоре гостиницы. Этот поцелуй был настолько неуместен для меня в то время, что я без всякого труда увернулась от стремящихся ко мне губ и пошла незамутнённая дальше.

Миша то мое безразличное отстранение запомнил. И много лет подряд во время случайных алкогольных встреч на банкетах кидал мне ненароком, с улыбкой: а помнишь, как ты меня тогда отшила?

Я удивлялась никчемности повода для столь долгой памяти.

Прошло тринадцать лет. За это время он успел жениться и родить двоих детей. О чём я узнавала из его интервью

и фотографий на страницах телевизионных программ.

Жене изменял во все стороны.

Об этом рассказывали общие знакомые. Изменял постоянно, почти патологически. От долговременных любовниц, которых знали в лицо, до случайно снятых в баре женщин. Сначала я удивлялась этим рассказам, потом приняла как факт.

Однажды летом, муторным жарким днём, мы встретились в кафе Ленфильма. Он забежал туда после съёмок, я – ради встречи с очередным продюсером: «как хорошо вы пишете, пришлите нам свои сценарии». Сценарии присылаю, но дальше разговоров о том, как они хороши, дело почему-то не идет.

Я сидела за столиком с продюсером и увидела входящего в кафе Мишу. Он рванулся было навстречу, но, заметив, что я не одна, тактично изменил траекторию, не желая мешать. Послал воздушный поцелуй и уселся с кофе за дальний столик. Я ответила светлым взглядом и продолжила разговор.

Мы не виделись с ним лет пять. А может, шесть.

С момента его появления, я не переставала чувствовать на себе тепло его глаз. Поворачиваясь в его сторону, улыбалась в ответ.

Вскоре у моего собеседника зазвонил телефон, ответив

на звонок, он отвлёкся от нашего разговора. Я сделала знак, что скоро вернусь, и пошла поздороваться с Мишей.

Миша обрадовался шумно, почти восторженно. Я тоже была по-настоящему рада ему. Расцеловались. Перекинулись парой фраз о том, кто как живёт, и что здесь делает, проверили наличие телефонных номеров друг у друга, они были, и через пару минут я, извинившись, вернулась к продюсеру. А Миша, допив кофе, отправился по своим делам.

Минут через пять от него пришло сообщение.

В сообщении говорилось, какая я прекрасная.

Я ответила каким-то кокетливым «спасибо».

Он написал что-то ещё на ту же тему.

Я ответила в том же тоне.

Продюсер к этому моменту уже закончил говорить о моих сценариях и попросил прислать что-нибудь ещё. На этом мы с ним распрощались и направились каждый в свою сторону: он в – кабинет, я – на выход.

Третье сообщение от Миши поймало меня уже на проходной. Он предлагал встретиться на днях, выпить кофе и пообщаться. Сообщение заканчивалось фразой «жду привычного отказа». Это показалось мне смешным, так как за все тринадцать лет знакомства Миша меня никуда не приглашал, а я, соответственно, не отказывалась.

Я посмотрела на часы, было пять. Дел у меня никаких

не осталось, домой ехать не хотелось.

Я написала: можем встретиться сейчас, я уже освободилась.

Оказалось, что за минувшие полчаса он успел уехать домой, на другой конец города, но это ничему не мешает, он вернется через тридцать минут, если я соглашусь его подождать.

Я согласилась.

Я вернулась на Ленфильм, вышла во двор, уселась на лавочку и стала ждать.

В ожидании возник вопрос: какого, собственно, рожна я всё это затеяла, зачем я сижу и жду Мишу, зачем я с ним куда-то поеду, если все это снова закончится его фиаско, потому что мне от него ничего, ну вот прямо совсем ничего, не надо?

Миша приехал с цветами и повез меня в ресторан.

В ресторане через несколько бокалов вина, которое я пила одна, так как Миша был за рулем, выяснилось, что мне с ним легко и весело. Что я говорю, не задумываясь, обо всём, о чём хочется, что тем для разговора хоть отбавляй, и, не закончив одну, я часто перескакиваю на другую, что случается со мной только в компании с близкими людьми, когда сказать надо так много, что боишься об этом забыть. Неожиданно оказалось, что Миша мне – близкий человек.

Так мы просидели часов шесть. Как только у меня заканчивалось вино, и я собиралась перейти к «ну что ж, спасибо за вечер», Миша сразу подзывал официанта и передо мной появлялся новый бокал. Сначала я вела им счет, потом перестала. Когда выходили из ресторана, было уже совсем темно.

В машине, по дороге домой разговорчивость моя усилилась. Каким-то ветром нас занесло на тему супружеской неверности, и я заявила к ней свое резко негативное отношение. Приводя в пример фигуру известного кинодеятеля, прославившегося не только ролями, но и тем, как цинично он снимает девиц на каждом углу, я высказала удивление его женой, которая за тридцать лет не только не ушла от него, но продолжает разыгрывать семейную идиллию, в то время как её супруг сам же и рассказывает в интервью о своих любовных приключениях.

Предположила, что причиной тому – деньги, которые кормилец неизменно приносит в семью, превратив свою квартиру по количеству собранного антиквариата в малый филиал Эрмитажа. Потому что будь он при всех своих кобелиных вылазках беден, мне было бы крайне трудно понять причины, удерживающие женщину рядом с ним.

Миша с неожиданной прытью вдруг бросился на защиту народного любимца.

Тут мы крепко задискутировали, пока я не вспомнила рас-

сказы знакомых о похождениях самого Миши.

– Ой, Миша, что же я с тобой спорю, – спохватилась я, – ведь ты же сам – известный ходок налево...

– С чего это ты решила? – зарделся вдруг Миша.

– Ой, ладно! – махнула рукой я, – Мир слухами полнится. А о тебе такие слухи ходят, что картина вырисовывается вполне ясная. Как же это я забыла, с кем разговариваю?

– Что-то тебе наговорили про меня несуразное... – про-
бормотал Миша.

– Ну, да. Несуразное. Но очень реалистичное.

– Это все неправда...

– Миша, это могло бы быть неправдой, если бы мне об этом насплетничал кто-то один. Знаешь, сколько людей мне про тебя рассказывало?

Миша был крайне смущён.

Мы подъехали к моему дому. Машина встала в нескольких шагах от подъезда.

– Спасибо за чудесный вечер, – сказала я, посмотрев на Мишу, – было интересно.

– Подожди, я тебя провожу.

«Так, значит, придется целоваться» – подумала я, пока он обходил машину, чтобы подать мне руку. Целоваться не хотелось.

Миша помог мне выйти из машины, несколько секунд до подъезда мы шли молча. Встали под светом фонаря. Миша спрятал руки за спину.

– Пока? – спросила я.

– До свидания, Катенька, – ответил Миша, держа руки за спиной.

«Чтобы не обнять меня ненароком, – подумала я, открывая тяжелую дверь подъезда, – как я, однако, его напугала своим осуждением внебрачных связей...»

Целоваться не пришлось.

Когда я зашла в свою квартиру, на душе было тепло и беззаботно.

Разговоры по телефону

– Меня вот знаешь, Яна, что удивляет: как они не боятся? Почему мужчины считают, что женщина, с которой они изменяют, автоматически становится их союзницей? Что этой женщине мешает из бабской солидарности или из желания попортить сопернице кровь позвонить жене и сказать: здравствуйте...?

– Они, мне кажется, нутром своим чувят и выбирают тех, кто на такое не способен. Таких как мы с тобой, например... Ты же не станешь с этим связываться?

– Не знаю. Я за себя поручиться не могу. Смотря, до какой степени взвинченности меня доведут...

– Не станешь. Я тебе стопроцентно говорю: не станешь.

– Я не стану этого делать не потому, что я – союзница. А потому что женщина, которой изменяет муж со мной, ни в чём передо мной не виновата. А удар, если я ей сообщу о своем существовании, придется прямо по ней. Я не могу наносить удар по невинному и беззащитному передо мной человеку.

– А мужчины – могут. Потому что не все женщины рассуждают, как мы с тобой. Многие набирают номер и говорят: здравствуйте.

– Ты мне скажи, Яна, вот, предположим, Миша. Если все вокруг знают о его изменах, если я – человек, который его

не видел шесть лет – знаю, о том, как он веселится в ресторане с одной, и как вторая рыдает на чужих плечах, когда он ее бросил, если об этом знают все, то неужели не знает жена? Ведь это же бред!

– Значит, жена предпочитает не знать.

– И он, не заботясь о конфиденциальности своих похождений, выставляет свою жену в чужих глазах абсолютной душой. Потому что к женщине, от которой муж прилюдно гуляет на 360 градусов, ничего, кроме унижающей ее жалости люди не испытывают...

Миша

Прошло какое-то время. Через неделю Миша снова объявился. С предложением поужинать вместе. Я, вспомнив всю непринуждённость нашего общения, подумала: почему бы и нет? В конце концов, у меня так мало знакомых, с которыми мне непринуждённо.

На этот раз цветы были пошикарнее и ресторан побогаче. Мы поехали далеко за город, где на берегу лесного озера в закрытом посёлке разместился между сосен уютный ресторан, работающий исключительно «для своих».

Нас посадили на просторную стеклянную террасу, с видом на берег, укрыли пледами и принесли вкусную еду. Газовые фонарики зажглись, когда спустились сумерки, а фоном к разговору служила ненавязчивая музыка. Кроме нас на террасе никого не было.

Все казалось таким чудесным и необычным, что напоминало сцену из романтического фильма, а не реальную жизнь.

Хотелось остановить мгновение: давно меня так красиво не выгуливали. Давно за мной так нежно не ухаживали.

Я опять пила вино, Миша, опять за рулём, оставался трезвым.

По дороге домой, в машине, я, разглядывая его за разго-

вором, подумала: а он симпатичный. Ему идут очки, которые он надевает, когда ведёт машину. Они придают ему интеллигентность, что незаметна, пока он без них. От Миши веет какой-то надёжностью.

Смешные мысли, если не забывать, что он – закоренелый бабник.

Пожалуй, я могла бы влюбиться в такого мужчину, если бы он был свободен.

Поздно ночью, провожая опять до подъезда, Миша поцеловал меня. Не скажу, что я при этом что-то особенное почувствовала. Ну, поцеловались, и что? Поцелуй еще не повод для романа. Домой я его не пригласила.

Через пять минут после того, как разошлись, от него пришло восторженное сообщение. Что-то вроде того, что вкус моих губ для него незабываем, и он ждёт не дожждётся следующей встречи. Что я ответила, не помню. Я не была в него влюблена.

Следующие два-три дня на меня обрушился поток сообщений. Пришло время для выяснения отношений. Миша настаивал на романе, я отвечала, что романа не будет.

Крепость бралась штурмом. Я держала оборону.

На самом деле я колебалась.

Последние отношения, не считая короткого испанского романа, у меня начинались три месяца назад, и, не начавшись, закончились тем, что... как бы это поточнее сказать?

Тот мужчина захотел прогиба.

Долгое время я не давалась ему в руки, в смысле не шла с ним в постель по первому зову, и, когда мне понадобилась помощь, а точнее, деньги на лечение, потому что я лежала в больницу на серьёзную довольно-таки операцию, он эти деньги дать обещал – в долг, естественно – но потребовал, чтобы я попросила. Как-то по-особенному попросила, как именно – я не поняла, но уточнять не стала. И осталась без денег и без мужчины. То есть, деньги нашлись от другого человека в тот же вечер, но мужчина был для меня бесповоротно зачеркнут.

Так вот. Последние отношения закончились, не начавшись, три месяца назад.

А тут Миша – такой внимательный и романтичный.

Единственный момент, женатый.

Женатый мужчина – это табу.

Ну их на фиг, этих женатых мужчин.

...

– Отойдите от меня, женатые мужчины! Уйдите! Не трогайте! О-той-ди-те! – смеялась и размахивала руками, пьяная, в ночи, во дворе гостиницы, когда женатый режиссер

Андрей в первый раз пытался меня поцеловать.

Через месяц после этого у меня начнётся роман с женатым Мишей.

Через полтора месяца – я впервые останусь на ночь у женатого любимого.

А за несколько дней до этого меня бросил женатый Иван.

– Яна, Миша пишет мне такие смс-ки, что я прямо в растерянности...

– А ты подинамай его слегка, – зло отвечает мне Яна.

– В смысле «подинамай»?

– Ну, не отвечай ему и всё.

– Ну, как это – не отвечай? Человек мне пишет от всего сердца... Он меня ничем не обидел. Что же я буду его динамить?

– А вот чтобы знал. Чтобы много о себе не думал.

У Яны в этот момент конфликт с ее женатым мужчиной. Поэтому ей хочется наподдать всем женатым мужчинам. Чтобы много о себе не думали.

Потом, когда мне понадобится помощь в отношениях с любимым, совет, как поступить, Яна будет оправдывать все

его действия, уверяя меня в неспособности адекватно оценить ситуацию. Будет говорить, что он прав тысячу раз, а я – дура, которая себе напридумывала чёрт знает что. Возможно, в этом есть немалая доля истины, но на тот момент у нее будет полная гармония со своим женатым мужчиной, и ей захочется, чтобы у всех женатых мужчин была в жизни полная гармония.

Любимый мой будет оправдан.

А сейчас мне Миша пишет в сообщениях, что наш роман начинается.

Я протестую: ничего не начинается, роман с женатым мужчиной – пишу ему я – это добровольная яма, в которую я себя загонять не намерена.

«Кто тебе вдолбил эти глупости?» – отвечает мне Миша, – «Какая яма? Это – радость, это счастье, это удовольствие, которое мы друг другу подарим...»

Ну, да, удовольствие, – думаю я. А когда ты от меня поедешь домой к жене – яма.

Я не соглашаюсь на роман с Мишей, хоть он и красиво ухаживает. Пусть он лучше снимет какую-нибудь очередную женщину в ресторане, а меня не трогает.

Я с головой ухожу в работу. Начинаются репетиции.

– Здравствуйте, меня зовут Катя. Я – помощник режиссера.

– А меня зовут Иван, здравствуйте, – говорит красавец из кинофильма и одаривает меня своей фирменной улыбкой.

Иван

Звезда. Красавец. Баловень судьбы.

За четыре года до нашей встречи. Одна актриса – глядя на меня – другой: «Я поняла, на кого Катя похожа. На Иру Дмитриеву, жену Ивана Кузнецова. Правда?».

Другая актриса: «Да, похожа».

За полтора года до нашей встречи. Летним вечером сидим киношной компанией в сквере на Петроградке. Пьем вино. Мимо проходит какая-то пьяная гопота. Один останавливается. Всмотривается в меня. Кричит: «Вы – актриса! Я вас узнал! Вы снимались в фильме «Завтра будет вчера!» Все мои смеются: «Да из Дома-2 она! Ее только вчера выпустили!»

В фильме «Завтра будет вчера» главную роль сыграла Ирина Дмитриева.

За десять дней до нашей встречи. Незнакомая мне актриса, идущая по театру: «А вы похожи на Ирину Дмитриеву, да? Одно лицо» Я, смеюсь: «Не знаю. Вот появится на репетициях её муж Иван Кузнецов, мы у него спросим».

На самом деле – не похожа. Но то, что трижды меня с ней

сравнили, воспринимаю как-то знаково для всей этой истории.

Знала о нём не много. Снимается в хороших фильмах. Получал за свои роли престижные премии. Счастливо женат на актрисе Ирине Дмитриевой. Растит с ней двоих детей. Идеальная семья.

Иван. Звезда. Красавец. Баловень судьбы.

Приехал очень худой издёрганный человек. Совершенно не похожий на свои фотографии. Глаза тоскливые. Лицо серое, измождённое. Видно, что пьющий. Сильно пьющий.

Когда улыбается, тебя озаряет солнце. Такая улыбка – Божий Дар. Знает об этом. Поэтому иногда кажется, что солнце в себе включает автоматически. Путём нажатия внутренней кнопки.

Как-то надо вообще объяснить, с чего все началось, кто я такая. Я – пишу сценарии для фильмов. Сценарист – называется моя профессия, терпеть не могу, когда про меня говорят «сценаристка».

Я работаю дома, и, когда сатанею от отсутствия воздуха, новых людей и свежего общения, подряжаюсь на работу

в театр. В качестве помощника режиссёра. Выхожу в социум. Общаюсь. Репетирую. Выпускаю спектакль. Потом с него ухожу. Передаю коллегам. И снова сажусь придумывать истории для фильмов.

Эту работу мне обещали с ноября. Она состоялась в августе. То есть, девять месяцев ожидания. До этого я два года сидела дома, сочиняла истории.

«Чайка» Чехова. Грандиозный проект. Выделены большие деньги. Известный режиссер. Новое прочтение. Вся история рассказывается через Тригорина. Все герои – через его глаза.

Тригорин – популярный писатель, модная в обществе персона, живет с известной актрисой Аркадиной. К своим сорока пяти годам понимает, что больше того, что он делает, он сделать не сможет. Его беллетристика, его популярность и его женщина – вот стены той комнаты, в которой он останется до конца жизни. Трагедия человека, который выше головы не прыгнет. Разлад мечты с действительностью. Конфликт потенциала с результатом.

Константин Треплев, сын Аркадиной – начинающий писатель – задуман режиссером как отражение Тригорина, его парафраз и антагонист одновременно, как надежды, с которых все начинается и крушение этих надежд. Попытка выйти за пределы комнаты, которая не удалась.

Тригорин и Треплев – две центральные фигуры постановки.

Треплев – Иван Кузнецов, Тригорин – московская знаменитость.

Знаменитость перевозят на репетиционный период в Питер, снимают квартиру в центре города, платят большой гонорар.

Репетиции продлятся полгода.

Знаменитость

Начало сентября, еще лето, вокзал, 8 утра.

Я встречаю московскую знаменитость у вагона поезда.

– Здравствуйте, меня зовут Катя. Я – помощник режиссёра.

Веду к машине.

Рядом со мной идет невысокого роста, шуплый, сдвинувший кепку на глаза человек. Глаза – тревожные. Бегают по сторонам. Движения нервные, отрывисты. Дергается. Я – чувствуя его нерв – подчеркнуто ласково вещаю про то, что все – хорошо. Уже полным ходом идут репетиции, спектакль получается, погода у нас хорошая, режиссёр чудесный...

– Когда квартиры будем смотреть? – перебивает меня резко.

– Сегодня. Вот сейчас в гостиницу вас отвезу, вы отдохнёте немного и поедете с администратором смотреть квартиры...

– Покажешь? – жестко хватает меня за локоть, заглядывает в глаза, – квартирку-то покажешь? Заедешь сама? Навестишь, а?

Локоть убираю.

– Думаю, что... нет. Нет, спасибо.

– Что ж так? Приедешь, может, вечерочком?

– Еще раз спасибо, но вряд ли.

Так, проблема, подумала я. Придётся ставить на место.

Едем в машине. Он – на заднем сидении, я – рядом с водителем.

– Ну что, – спрашивает он меня, сверкая жёсткими глазами, – понабрали в проект питерских дешёвых артистов?

У меня аж дыхание перехватило, как будто дубиной пополам перешибли. Смотрю на него внимательно, обернувшись: это кто вообще такой?

– Вы считаете, что в Питере – дешёвые артисты?

– Ну, а как? Московских артистов им не потянуть, решили сэкономить. Не зря спектакль в Питере-то ставят. Назови-ка мне у вас хороших артистов, а? Не знаешь? Правильно, потому что все хорошие артисты давно в Москву переехали...

Я, растерявшись от этой наглой, прущей на меня дури, всё еще не могу дать ему отпор. Начинаю как курица вспоминать имена.

– Хорошие артисты?...

– Ну, давай!

Все имена вылетели из головы напрочь. Называю столпов.

– Алиса Фрейндлих...

– Ещё!

– Олег Басилашвили.

– Он разве питерский? Не знал...

– Ну, привет. Конечно, питерский. БДТ. Михаил Боярский. Михаил Светин. Сергей Мигицко. Юрий Ицков. Андрей Краско, царство ему небесное. Георгий Штиль.

Я разозлилась.

– Артур Ваха. Игорь Дмитриев, покойный. Андрей Толубеев. Светлана Крючкова. Игорь Скляр. Наталья Данилова. Андрей Зибров. Наталья Суркова...

– Ну ладно, ладно... Ладно, говорю.

Сделал паузу.

– Я к вашим питерским хорошо отношусь. С Хабенским дружим, эти выходные у меня дети, между прочим, у Пореченковых дома проводят...

– Это уже не питерские, это как раз московские артисты.

Смотрю на него внимательно: надо же с этим типом кто-то дружит, кто-то ходит в гости к нему, приятные беседы за чаем водит... Кому-то он в жизни нужен. Жена, наверное, его любит. Трудно поверить. Жена-то у него вроде нормальная...

– А вы сами-то – московский артист, да? – в моей интонации столько сарказма, что он слегка теряется.

– Я? – пожимает плечами, – Да как сказать? Я вооб-

ще-то со Львова, режиссуре учился в Одессе, Щуку окончил в Москве... Вот и думай: московский я или какой?

Голос уже компромиссный, миролюбивый, назад откатывает, понял, какую дрянь сморозил, тем не менее, слово не воробей, ложечки нашлись, но осадочек остался...

Иван

Звезда. Красавец. Баловень судьбы.

Я, честно сказать, расстроилась, когда узнала, что Треплева будет играть Кузнецов. Новый проект – это всегда волнующие перспективы. Роль Треплева – хороший материал, о нем грезят многие. На нее могли бы пригласить красивого, успешного, харизматичного интеллектуала. Не женатого. В моей личной жизни была бы открыта новая страница. Кузнецов со своей женой и двумя детьми – это не страница, это закрытая книга с дамским романом, абсолютно меня не волнующая. Я не читаю дамских романов.

Что же касается московской знаменитости, приглашенной на роль Тригорина, то это даже не книга, это талмуд на монгольском языке, понимаешь, что может быть и интересно – какому-нибудь специалисту, но ты это читать никак не собираешься.

Так что проект волнующими перспективами не блистал изначально.

Сначала была тема женатого режиссёра Андрея. Целый месяц в театре – до появления двух главных актеров – рабо-

тал, что называется, эмоциональный контакт. Долгие, волнующие взгляды. Глаза – голубые озера, в которых солнце играет лучами.

Красивый. Умный. Женат уже много лет.

Его старшему сыну – пятнадцать, младшему – год и семь.

Зачем мне режиссёр Андрей? Мне режиссёр Андрей не нужен.

Но как он на меня смотрит! Сердце томится волнующими перспективами...

Появился Иван.

В первый же день опоздал на репетицию. Когда пришёл, стало ясно, что пил, гулял, не выспался. Тело перетряхивает в похмельном ознобе. Пьёт много кофе. Курить выходит одну за другой. Позже выяснилось, что это обычное утреннее состояние.

Во второй половине дня пришёл в себя. Разговорился. Заулыбался. Обаяния – море. Застревает на мне своими глазами, смотрит долго, внимательно, как будто удивляется. Просто налюбоваться на меня не может.

У меня внутренний ступор: это что? Зачем? Или мне кажется?

Я повторяюсь: для меня этот дамский роман – с женой-кра-

савицей и двумя детьми – неинтересен в принципе.

Может, он на всех так смотрит, может, у него привычка так на людей смотреть, а я тут себе воображаю, бог знает что?

Тем не менее, забирает. Хочется чаще попадаться ему на глаза. Чтобы больше на меня смотрел. Вот ведь, а!

После окончания первой репетиции решено устроить маленький банкет. В ресторан, который заявлен – из театра мне надо как-то добираться. Потом – как-то добираться из ресторана до дома. Рабочий день длился двенадцать часов. Завтра рано утром – опять в театр. Я звоню Ивану, который переодевается в гримерке, даю информацию, говорю, что есть машина, которая его отвезёт в ресторан. Он спрашивает, еду ли я. Отвечаю, что нет. После пары секунд размышлений он сообщает: тогда я тоже не поеду.

Это что? Какая связь? Я не знаю.

Но домой возвращаюсь почему-то счастливая.

На следующий день, у него в гримёрке, во время перерыва. Я, Иван и режиссер Андрей.

Иван:

– А давайте сегодня после репетиции ко мне поедем? Камин затопим, вина выпьем... У меня дома – обалденный камин... Катя, поедешь?

Режиссер Андрей:

– Но-но-но! Ты Катю не трогай.

Иван:

– Понял.

Я смеюсь. Но хочется протестовать: чего это ты тут раскомандовался? Пусть трогает...

Каждое утро, проснувшись, звоню ему: по будильнику он не просыпается, поэтому опаздывает на репетиции. Трубку тоже не берёт. Звоню раз, звоню два. Звоню уже двадцать минут. Долго-долго слушаю гудки, прижав телефон к уху, умываюсь, одеваюсь, готовлю завтрак. Неудобно собираться на работу и одновременно слушать гудки.

Начинаю злиться: какого чёрта, я не обязана это делать, пусть сам просыпается, как хочет, это его проблема, а не моя.

Неожиданно слышу его глухое «Алё!».

Я, выдыхая: «Ванечка, доброе утро. Просыпайся, пожалуйста».

Почему – Ванечка? Потому что хочется приласкать. Хочется, чтобы просыпаться ему было тепло...

Заглядываю в гримерку, зову на репетицию. Они сидят с режиссёром Андреем. Иван:

– Вот Катя заходит, а я удивляюсь: как можно с каждым разом быть всё красивее и красивее?...

То есть, идет уже откровенный флирт.

Жена снимается в Белоруссии, младший сын – с ней, старший – за городом, у родителей. Иван живет один. И будет жить один еще несколько месяцев.

Разговариваю с директором театра. Тема – Иван пьет, опаздывает на репетиции. Директор объясняет: бухает из-за жены, они разводиться собираются, он уже давно об этом говорит. Я потрясена: как разводиться?

– Да года два уже. Находятся в состоянии перманентного развода. Только это не причина, а – оправдание. Ему просто нравится бухать.

Так, ребята. Это все меняет. Собираются разводиться – это уже не дамский роман, это уже драма. А драма – жанр многогранный, интересный.

Мы много разговариваем. Он рассказывает о Китае, где был два месяца назад, о съемках в кино, о своих друзьях. Рассказывает о детстве, о сложных отношениях с отцом, о том, что хочет снять фильм про это. О том, как подростком попал в дурную компанию, все дни проводил на улице, чудом не оказался в тюрьме. Он много говорит, я много слушаю.

Я понимаю, чем больше он мне расскажет, тем ближе мы друг другу станем.

Ощущение покинутого мужчины. Мужчины, оставленно-

го женщиной. Мужчины, на которого забили болт. Это так не вяжется с его звездным имиджем. С образом избалованного жизнью красавчика.

Я вижу, как он несчастен. Как после репетиций он не хочет возвращаться в пустую квартиру. Квартира – съемная, очень большая. Детей – нет, жены – нет, он бродит по ней один. Через месяц или два они переедут: закончился договор аренды. Часть вещей уже вывезена, остальная – упакована. Ваня ходит вечерами по огромной квартире, захламлённой коробками, и не может найти себе места. Неприкаянность свою заливает коньяком до трех ночи.

Иногда к нему приезжают друзья-актеры и устраивают попойки.

Каждое утро – не может встать. Каждое утро – похмелье. Каждое утро – проклятье. Литр кофе и пельмени на обед. «А что такого? Пельмени – это всегда вкусно». Хочется сварить ему геркулесовую кашу.

Отвечай за меня

Вечер. Начало сентября. Мы идем по Невскому с режиссёром Андреем. Мы выпили вина после репетиции, Оля-гри-мёр отмечала день рождения.

После вина нам легко и свободно, и как-то немного задиристо.

Все пустяки кажутся пустяками.

Недавно был дождь. Машины играют огнями на мокром асфальте. Он провожает меня до метро. Предлагает зайти к нему на чашку кофе: жена с детьми уехали на юг. Я отказываюсь: нет. Стоим у входа.

– Ну почему, почему? Объясни, почему? Что тебе мешает?

– Год и семь.

– Что-что?

– Год и семь. Твоему ребенку. И еще мешает твоя жена.

– Но к тебе-то сейчас какое это имеет отношение?

– Прямое.

– Какое, скажи, какое?

– Я не хочу, чтобы потом мне было плохо от того, что ты не со мной.

– А ты не влюбляйся. Тогда не будет плохо.

– Ты хочешь, чтобы я осталась к тебе равнодушной? Переспала с тобой чисто механически?

– Нет, я так не хочу.

– Не испытывая ничего, просто технически, ради галочки?

– Нет, нет.

– Тогда возьми себе проститутку. Так честнее будет.

– Нет! Я так не хочу!

– А как ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты влюбилась. Но чуть-чуть. А ты не можешь влюбиться, но не очень сильно?

– Нет. Извини. Здесь – либо влюбиться, либо не влюбиться. Одно из двух. Мы не на рынке: любовь не измеряется в граммах. Если я влюбилась, неси за меня ответственность, будь добр. Если не готов – не трогай меня.

– Ну почему, почему, почему я всё время должен нести за кого-то ответственность? – возопит через год один мой знакомец, рассказывая о только что начавшемся своём романе, – Ты знаешь, сколько этой ответственности я несу по жизни? Я устал, я ни за кого не хочу больше отвечать.

– Ты должен отвечать за свои поступки. Никто тебя от этой ответственности не избавит.

– Ну, за какие поступки? У нас была-то с ней пока всего одна ночь! За что я должен отвечать?

– За то, чтобы человеку, который пошёл за тобой, не было

ПЛОХО.

– Да, – неожиданно соглашается он, – я должен за это отвечать. За это должен отвечать каждый.

Такое кино

– Катя, что ты будешь делать в выходной день? – спрашивает меня Иван во время перерыва.

– Спать буду. У меня за две недели образовался недосып как за целый год.

– А потом?

– Потом – не знаю.

Улыбаюсь ему.

– Приезжай ко мне, – предлагает Иван, – посидим, поболтаем. Я тебе какой-нибудь фильм хороший поставлю.

– Тогда, может, лучше сходим в кино?

– Хочешь в кино? Хорошо, давай в кино.

В выходной день я сплю до полудня. Проснувшись, жду звонка. Звонка нет. Прождав часа три, сама набираю его номер. Он не отвечает. Еще часа три жду, что он перезвонит.

Он перезванивает через четыре. Страшно извиняется: весь день спал.

Кино? Хочешь в кино? Ну, пойдём.

Я смотрю на часы: семь вечера. Пока соберусь – будет восемь. Час – в пути. Надо найти хороший фильм на девять вечера. В одиннадцать он закончится. Час – в пути. В двенадцать я дома. Завтра – на работу. Нет, в кино уже поздно.

– Приезжай ко мне, – говорит Иван, – чёт с ним, с ки-

но. Пожалуйста, приезжай. Я затоплю камин. Что ты пьешь? Вино? Налью тебе вина. Мы просто посидим. Мне это очень нужно.

В голове у меня сумбур. Если ехать – значит, оставаться. Просто так мы не посидим, это ясно. Если оставаться – значит, делать шаг. Делать шаг – я не готова. Я не знаю, что там дальше за этим шагом, женатым и с двумя детьми. Обрыв?

– Нет, Ванечка, я все-таки не поеду. Поздно.

– Приезжай, прошу тебя, приезжай.

Мы препираемся еще минут пять. Он уговаривает, я пытаюсь удержать равновесие. Он уговаривает. Я побеждаю. Кладу трубку. Никуда не еду.

И думаю: а почему?

Потому что боюсь.

Вспоминаю один из самых важных и ярких романов в своей жизни. С очень известным человеком. В два раза старше меня. Там тоже было страшно делать шаг. Я сделала. Пожала об этом хоть на секунду? Нет. Потому что это был один из самых важных и ярких романов в моей жизни. Быть может, не надо бояться?

Думала-гадала, но в глубине души понимала: от меня уже

тут мало что зависит.

Я в игре по самую маковку, мне уже не выпрыгнуть.

И закрутилось.

Мы ходим по театру как ни в чём не бывало. Но между нами теперь – невидимый провод, по которому бежит электричество. Когда встречаются глаза – загорается лампочка.

Ток бежит от одного к другому, и легкие разряды прорезают воздух.

Далеко не разойтись – провод не растягивается – сразу возвращаешься обратно, боишься потерять подпитку. Оборачиваешься, а там – глаза. И лампочка включается.

Были еще какие-то люди. Администраторы, техники, осветители, декораторы, гримеры, костюмеры, художники, актеры и актрисы, режиссёр Андрей, московская знаменитость. Немало было людей вокруг. Но все они уже не играли никакой роли.

– Когда возвращается Ира? – спрашиваю у Ивана.

– Через два месяца.

Значит, моему новому роману отпущено два месяца. Ну что ж, не так уж и мало.

Знаменитость

Режиссёр Андрей продолжает стрелять в меня глазами. Но выстрелы его теперь не достигают цели. Какой мне теперь режиссёр Андрей? Куда мне теперь режиссёр Андрей? Он, чувствуя охлаждение, усиливает атаку. Мне это мешает. Меня раздражает, что он все время норовит втиснуться между мной и Иваном. Отойдите, режиссёр Андрей, не видите – вы лишний?

Лишний и московская знаменитость. Он постоянно отвлекает меня от основной темы – Ивана. Требует внимания, капризничает, ругается по пустякам. Знаменитость, успокойтесь уже. Вы здесь – самый главный, вы здесь – самый талантливый. Не мешайте мне, пожалуйста, роман крутить.

Знаменитость – и вправду – талант. В совместных сценах он делает Ивана как мальчишку. Органичный как кошка, смотришь, как он играет – и чувство восторга захватывает. Легко, непринуждённо – выходит человек на сцену – и ментально становится другим. Иван долго мучается, хмурится, ходит из угла в угол, пытаюсь сосредоточиться, ищет зерно. Знаменитость зерна не ищет, знаменитость – сам есть зерно.

Когда он на сцене, кажется, от него идет свет.

Биополе какое-то создается, новая энергия. Уникальный случай.

– Аня, – говорю я по телефону подружке Аньке, – я тринадцать лет работаю с актерами, дружу с ними, общаюсь, наблюдаю, хожу на спектакли... Я видела самых разных – от Машкова до Абдулова, от Хабенского до Джигарханяна. Но такого я никогда не встречала. Это самый талантливый человек из всех, кого я знаю. Я готова под этими словами подписаться. И этот талант он абсолютно видимый, осязаемый, кажется, его можно даже потрогать...

Я подхожу к нему, когда он выходит со сцены. Я его немножко побаиваюсь, потому что знаменитость – человек непредсказуемый, настроение у него летает как качели, вверх-вниз, может и по голове ненароком вдарить.

Я побаиваюсь, и потому с трудом подбираю слова:

– Знаете... Я хотела вам сказать, что вы – супер. Честное слово. Вот смотришь, что вы делаете, и понимаешь: это просто здорово. И хочется потом подойти, и погладить вас... чтобы вам хорошо было...

Робко глажу его по рукаву театрального пальто.

– Просто погладить вот так, прикоснуться к таланту...

Улыбаюсь.

Смотрит на меня, вижу, что доволен. Это хорошо. Потому что я искренна.

Знаменитости – 50 лет. У него жена и двое детей. Что же у вас у всех по двое-то, стоворились?

Знаменитость – ростом с меня, худенький, кепочку на самый лоб надвигает, глаза из-под нее бегают по сторонам, быстро сканируя окружающих. Подходящее слово – «шустрый». Похож на небольшого норного зверька. Говорит быстро, сквозь зубы, неразборчиво. Ощущение, что язык у него гуляет сам по себе, живет отдельной жизнью. Понять из всего, что говорит, можно процентов двадцать. От этого необычайно внимательно слушаешь. Каждый раз при разговоре задаюсь вопросом: почему он так? Не знать, что большую часть из сказанного мне просто не разобрать, он не может. И ведь умеет же говорить по-другому: на сцене, как и в кино, вся эта невнятность исчезает. Единственный ответ, который приходит на ум: ему плевать. Плевать слышит его кто-нибудь, понимает ли. Он – говорит. Понимать – не его задача. Ради тебя он стараться и выговаривать согласные не намерен, велика честь. Ну, на то он и знаменитость.

Его ампула – целая вереница всевозможных мерзавцев. Что-то знает он про них такое, что позволяет ему делать их особо изошрёнными. Уникальными подлюгами, от которых мороз по коже. Прищуром глаз, изгибом брови, особой интонацией. Все настолько тонко, на полутонах, изысканно точ-

но делается, что сыгранные злодеи народом любимы больше, чем побеждающие их герои.

Злодеев много, злодеи – все разные. Сыгранные чудаки и неврастеники в этой веренице меркнут, в силу своего малого количества. Хочется из противоречия прикинуть на него что-то совсем иное, на первый взгляд вообще несвойственное. Трудно представить его героем-любовником: внешность не романтическая. Так написать бы ему какую-нибудь серьезную драму, трагическую любовь маленького человека, такую, чтобы на разрыв. Без всяких там чудачеств и комедийных ноток. Ну, или хотя бы загнать в какой-нибудь «Осенний марафон», пусть бежит от жены к любовнице, разрываясь между чувством и совестью... Вот что я ему написала бы, думаю. Он бы здорово это сыграл.

Знаменитость и Иван

Знаменитость представляет для меня чисто экспериментальный интерес. Я пытаюсь нащупать – пока вслепую – что за фрукт. Умён или нет, глубокий или плоский, смешной или пошлый, откуда – все эти капризы, перепады настроения, от внутреннего надлома или от плохого воспитания. Иногда бывает резок, иногда кричит, выплёвывая слова. Иногда на него находит благодушие. За талант прощается многое. Бездарность – никому неинтересна, даже если все буквы выговаривает и ведёт себя адекватно. А тут – как с маленьким: хочется ему поворчать – пусть поворчит, ничего, мы бурю переждём, а там гляди – снова солнышко.

Ну, солнышко – это сильно сказано: тишина, безветрие – и то хорошо.

Знаменитость с Иваном – работают давно. Вместе снимались, вместе премии за фильмы получали, вместе в антрепризе играют, теперь вот – «Чайку» вместе репетируют.

– Ты на него не сердись, если что – шепчет мне Иван, – он не такой простой как кажется.

Лично мне он может казаться каким угодно, только не простым. Но желание Ивана объяснить мне знаменитость,

как бы извиняясь за него, меня умиляет.

Иван подшучивает: мол, знаменитость ко мне равнодушен. Я смеюсь: да нет, ты все перепутал, равнодушен ко мне режиссёр Андрей, знаменитости на меня плевать. Уж я-то понимаю в этом что-то, я же читаю посылаемые мне сигналы.

Знаменитость меня намного старше, большая часть волос на голове утеряна, ростом не высок, не плечист, не брутален. Интерес у меня к нему – сугубо личный. Женская заинтересованность – тут и мимо не проходила.

Недели через две после знакомства он учит меня разговаривать с ним «на ты». Пытается сократить дистанцию. Мне это сокращение – ни к чему. Я в дружбу к известным и богатым не набиваюсь, мне такое самоутверждение не нужно.

Знаменитость пишет мне сообщение:

«А что это ты мне все время „выкаешь“? Может, хватит уже, а?»

Я отвечаю:

«Исключительно из глубокого уважения. И во избежание фамильярности».

Я фамильярность как явление презираю. С чего это я с че-

ловеком – не равным мне ни по статусу, ни по возрасту – буду общаться запросто, по-приятельски? Меня тошнит, когда кто-нибудь из осветителей, звуковиков, монтировщиков вставляет в разговорах: «А, Мишка Боярский? Нормальный такой чел, я с ним работал...»

«Разницу в возрасте хочешь подчеркнуть?» – пишет мне знаменитость.

Я смеюсь. Но «на ты» еще несколько дней не могу перейти. И за каждое «вы» получаю от него щелчок. С трудом себя пересиливая, говорю ему «ты»:

«У тебя все хорошо?» «Может, кофе тебе принести?»

И каждый раз меня передёргивает.

Мне преодоление этого барьера совсем неинтересно.

Моя заинтересованность – Иван. Каждый вечер, когда мы расстаёмся после репетиции, мне жаль, что закончился день. Он целует меня на прощание, и я думаю: как хорошо, что мы завтра снова увидимся. Каждый вечер он говорит мне: не забудь меня разбудить, Катюша. Каждое утро я звоню и говорю ему: доброе утро, Ванечка...

Он дотрагивается до моей руки и смотрит в глаза.

Господи, я и в восемьдесят лет буду покупать на эти дешёвые трюки, если найдется какой-нибудь желающий их на мне проверять!

Отступать некуда

Я еду в метро после репетиции. Мне не хватило дня, проведённого с Иваном. Мне нужно больше. Больше нельзя? Больше, нельзя. Вернётся жена, приедут дети. Я влечу в этот утёс своей распахнутой грудью и опаду вниз ошалевшей от боли птицей.

Я это знаю. Но два месяца у меня есть. Я целый год жила без любви. Мужчины, которые у меня ночевали, были случайны и мне не нужны. Я целовалась с ними и думала: что бы такого поделать завтра, чем бы развеять скуку?

Я боялась, что по-другому уже не будет.

Два месяца любви. «Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец! Слава безумцам, которые живут себе так, будто они бессмертны!»

Мне очень хочется послать ему сообщение. Не по работе, просто написать что-нибудь теплое, чтобы он лишний раз подумал обо мне. Я торможу себя: нет.

Нельзя.

Прихожу домой. От усталости падаю. Сил не хватает даже ужин себе приду

мать.

Насыпаю корм коту в миску. Жую кусок хлеба, чтобы избавиться от голода.

Держу в руках телефон: написать или нет? Нет.

Дисплей в моих руках светится входящим сообщением: Иван.

«Катюша, ты в городе или уехала уже?»

Сердце выпрыгивает из груди.

«Дома. Котика кормлю. А ты как, согрелся?»

Весь день его знобило. После репетиции собирался пойти в баню с друзьями.

«Нет. И в баню почему-то не пошел».

«Почему?»

«Честно?»

«Только честно». Ставлю смайлик.

«Хочу, чтобы ты приехала, разбудила поцелуем, сделала кофе. Тогда, может, согреюсь».

Пауза. Я сижу, не двигаясь, пытаюсь взять себя в руки. Сердце колотится. Набираю текст.

«Я не смогу тебя завтра разбудить: мне в театре надо быть на час раньше».

Тут же приходит ответ.

«Давай я тебя заберу».

Точно понимаю уже, что не поеду. Нельзя. Нереально. Пишу:

«Ванечка, мне вставать завтра очень рано».

«Приезжай. До театра от меня ближе. Согрею, сделаю массаж. Обещаю холить и лелеять. Одни плюсы».

Я молчу.

Он ждет.

Я молчу.

Через десять минут:

«Давай я тебя заберу».

Не отвечаю. Дальше – тишина.

Ложусь спать. В полудрёме слышу звук входящего смс. Как лунатик с полузакрытыми глазами встаю, иду на ощупь, спотыкаясь в темноте, в другую комнату, где оставила телефон, читаю от него сообщение:

«Прости, не хочу стоять в очереди среди твоих поклонников. Хотя ничем от них уже не отличаюсь».

Улыбаюсь. Кладу телефон. Иду спать.

На следующий день ведем себя, как ни в чем не быва-

ло. Только чертики в глазах пляшут. Ближе к вечеру захожу к нему в гримёрку.

– Ваня, зовут на сцену.

Он закрывает за мной дверь. Стоим друг напротив друга в полутьме комнаты. Близко.

– Идём?

Он, глаза в глаза:

– А поцелуешь?

Пауза. Глаза в глаза.

Я делаю шаг.

Целую его в губы.

Он обнимает меня, я обнимаю его. Стоим, целуемся самозабвенно.

Слышно, как по трансляции в коридоре объявляют:

«Иван Кузнецов. Нам нужен Иван Кузнецов. Катя, где Иван? Он нужен на сцене!»

Я, пытаюсь от него оторваться:

– Ваня, зовут, надо идти...

Он:

– Сейчас...

Целуемся. Я, решительно:

– Надо...

– Идем.

Смотрит на меня. Глаза сумасшедшие.

Я открываю дверь. Идём вместе по коридору, на сцену.

Конец репетиции. Все расходятся по гримёркам. Иван переоделся, стоит в коридоре. Я прохожу мимо. За мной – водитель Ивана, Лёня:

– Иван, машина стоит во дворе. Можем ехать.

Иван смотрит на меня, останавливает. Кивает Лене:

– Лёнь, ты иди пока. Мы тут с Катей еще пару вопросов должны решить.

Лёня послушно уходит по коридору. Иван за руку тащит меня в свою гримёрку, я не сопротивляюсь.

Заходим. Закрывает дверь. Не включая свет, целуемся в темноте.

Целуемся.

Целуемся.

Целуемся.

– Поехали ко мне, прямо сейчас. Я отпущу Лёню, возьмем такси...

Я из последних сил приказываю себе: «держись!».

– Я не могу, Ваня. Честно, не могу.

Поцелуй.

– Мне надо домой.

Поцелуй.

– У меня там кот.

– Давай сначала к тебе, потом ко мне...

– Я на Просвете живу, это час туда, час обратно... Поздно будет совсем.

– Когда ты ко мне приедешь?

– В выходной.

– Значит, послезавтра.

– Значит, послезавтра.

Дверь распахивается, мы отлетаем друг от друга. В дверях стоит Юля, костюмер, с фраком наперевес:

– Ой, я думала, Ваня, ты уже уехал, – замечая меня, – а чего это вы в темноте сидите?

– Лампочки перегорели... – отвечаю.

Выхожу в коридор. Слышу за спиной Юлин голос:

– Лампочки перегорели? Так надо электрику сказать...

Я иду от метро до дома под проливным дождем. Зонта нет. Мокрая насквозь. До краев наполненная счастьем.

Разбудить поцелуем

Наутро проснулась с жесточайшей простудой. Глаза слезятся, из носа текут ручьи. Набираю целые карманы салфеток.

Главная проблема: как я с ним сегодня целоваться буду?

Утром в театре Ивана нет. Все ждут. Ищут, звонят. Бесполезно, одни длинные гудки в трубке. Начали репетицию без него.

Через час, когда стало понятно, что без него не обойтись, ко мне подошел администратор:

– Кать, надо ехать будить Ваню.

– Это как?

– У Лёни, водителя, есть ключи. Ваня ему сам дал на случай, если его будет не добудиться.

– Так пусть Лёня зайдет и разбудит.

– Лёня зашел. Ваня его не слушает. Не хочет просыпаться.

– Как это не хочет?

– «Сейчас, сейчас», – говорит, и дальше спит. Бухал, видимо, всю ночь.

– А от меня ты что хочешь?

– Съезди, разбуди ты. У тебя получится.

Хорошо. Я даже не спрашиваю, почему у Лёни не получается, а у меня получится. Я быстро соглашаюсь.

– Дай мне машину.

– Она во дворе. Ждет тебя.

Выхожу во двор, сажусь в машину к водителю директора, едем к Ивану.

Приезжаем. У подъезда спит Лёня в машине. Я стучу ему по стеклу, он просыпается, выходит.

Вместе с ним мы заходим в огромный подъезд старинного дома. Поднимаемся на лифте. Лёня оправдывается:

– Я его будил, но ты пойми, я ведь тоже не могу там как-то резко... Я вообще-то по другому профилю.

– Совсем просыпаться не хочет?

– Совсем.

Подходим к квартире. Лёня достает из кармана ключи, открывает дверь.

Я прохожу, оборачиваюсь на него:

– Вы идите, Лёня, я сама...

– Хорошо, я в машине жду.

Лёня уходит.

Я оглядываюсь по сторонам.

Огромный коридор, уводящий вглубь квартиры. Гигантский зеркальный шкаф. Я снимаю обувь. Иду босиком по холодной плитке.

Заглядываю в гостиную, которая попадает на пути. Таких больших комнат в жилых квартирах я еще не видела. Метров пятьдесят, не меньше. Камин в стене. Раскинувший ветвями фикус на полу. Два кресла. Стекланный столик

с недопитой бутылкой коньяка. Все остальное пространство в коробках. Больших и маленьких, наставленных, взгромождённых друг на друга.

Холодно. Темно. Почему-то сыро.

Ивана тут нет.

Иду по коридору дальше. Сворачиваю направо.

Спальня.

На большой кровати спит в одежде, спрятав лицо в подушку. Осторожно сажусь рядом, на краешек. Глажу его по спутанным волосам. Поворачивает ко мне лицо, но продолжает спать. Откликается на ласку.

Я – тихо-тихо – целую его в губы.

– Ваня, вставай...

Открывает глаза. Увидев меня, подскакивает от неожиданности.

– Ты! Здесь! Ты как?

Обнимает, утыкается лицом мне в плечо.

Сидим так около минуты. Потом отодвигается, смотрит в глаза:

– Как ты здесь оказалась?

– Я приехала из театра. Меня послали с важным поручением тебя разбудить. Лёня будил-будил, ты не просыпался...

– Прямо из театра приехала?

– Ну да, прямо из театра.

– Бр-р-р-р!

Он пытается прийти в себя.

– Давай, Ванечка, умываться, чистить зубы и поехали.

– Да! – подскакивает с кровати – Поехали!

– А умыться?

– Так я уже умывался! Лёня, когда будил, просто я спать

опять завалился...

Выходим с ним в коридор.

– Ты квартиру видела?

– Да я особо не смотрела.

– Ну, ладно, я тебе потом её покажу.

Замечает мои сапоги, стоящие в коридоре.

– Ты снимала обувь? Зачем? Здесь так грязно... так давно никто не убирался... Надо уезжать с этой квартиры. Плохо здесь.

Выходим с ним на лестницу. Заходим в лифт. Целует меня в губы.

У меня заложен нос, я делаю резкий вдох. Он отодвигается:

– Что такое?

– Я простужена. Вдрызг. Не боишься заразиться?

– Не боюсь. Я тоже простужен.

Целует меня. Двери лифта раскрываются. Мы выходим на улицу.

Пока мы едем до театра, Иван спит на заднем сидении.

Приезжаем. Никто ему слова не говорит: одевается, гри-

мируется, выходит на сцену.

Вижу, как ему плохо. Глаза отсутствующие, руки дрожат, озноб перетряхивает плечи. А ведь надо ещё и текст какой-то произносить. И реакции какие-то отыгрывать.

Ловит меня в темноте за сценой, воспользовавшись минутной паузой:

– Катя, мне срочно нужно водки выпить. Мне плохо. Очень.

– Вижу, Ванечка, но где же я водку найду?

– Найди. Мне очень нужно. Буквально сто грамм.

Иду к декораторам:

– Ребята, у вас водки нет? Сто грамм всего нужно...

– Похмелье, Катенька?

– Да ну вас, я серьезно! Очень надо!

– Откуда? Сухие сидим третий день...

– А где достать можно?

– Зайди к монтировщикам.

Иду к монтировщикам.

– Ребята, сто грамм водки нужно позарез! Достаньте, а?

– А в магазинах что, уже не продаётся?

– Да мне из театра не выйти, я всё-таки работаю, как ни странно...

– И что, без сугрева уже не работается?

– Это не мне.

– А, бедолаге синему?

– Он не бедолага. Подумаешь, с кем не бывает.

– С кем не бывает, только не с ним. Каждое утро у него бывает. На, для болящего не жалко.

Протягивают мне бутылку, на доньшке плещутся остатки.

– Спасибо большое, вы очень выручили!

– Куда ты по театру с бутылкой? На вон, пакет возьми!

– Ой, спасибо большое, честное слово, очень помогли!

Иду по театру с бутылкой, завёрнутой в пакет. Чувствую себя шахидкой, пронсящей бомбу в салон самолета. Захожу в его гримёрку, открываю тумбочку, ставлю бутылку на полку. Закрываю. Выхожу.

Иду на сцену, он стоит за кулисой, стаканчик кофе пляшет в руках.

Подхожу, говорю тихо:

– У тебя в гримёрной, в тумбочке.

– Спасибо.

Горячая благодарность в глазах, легкое касание руки, быстро уходит в сторону гримёрной.

Вот такая теперь у меня любовь.

Не думай, а прыгай

На следующий день – выходной.

Мне нужно успеть переделать тысячу дел, в том числе доехать на велосипеде до подружки Аньки, отдать ей ключи от квартиры, чтобы вечером она пришла ночевать к моему коту: меня ведь не будет.

Кот сходит с ума от моей работы: сидит один дома по четырнадцать часов. Когда я прихожу, он ходит за мной следом и кричит, а у меня разрывается сердце, но нет сил даже погладить его лишний раз. Я не могу оставить его одного больше чем на сутки.

Я прошу Аньку приехать к нему: у меня любовь.

Все последние дни я хожу такая шальная, что в редкие минуты возвращения к реальности удивляюсь, насколько она идет вразрез с моим существованием в ней.

Приезжая к дому Аньки в тридцать второй раз в своей жизни, я вдруг включаюсь, что забыла, где она живет.

Кружу на велике по дворам, не могу найти ее дом.

Понимаю, что голова моя болеет всерьёз, потому что и дворы эти, и Анькин дом, я знаю преотлично.

Наконец, созвонившись с ней и получив конкретные инструкции, выруливаю к нужному месту. Отдаю ключи, объ-

ясняю про замки.

Анька смотрит на меня:

– Сама на себя не похожа. Студентка какая-то на велике...

Я даже не улыбаюсь, настолько всё происходящее кажется мне серьёзным.

Почему?

Потому что понимаю: делаю шаг в пропасть. Падать – долго, возможно, с кайфом, с иллюзией полета, но разбиваться о землю – придётся. Будет больно, дышать не смогу. Плевать. Я делаю шаг.

«Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре. Что мало любили и мало путешествовали».

Марк Твен.

Мы созваниваемся, Иван говорит мне:

– Катюша, бери такси. Так будет быстрее. Приезжай в центр, к отелю «Новый Свет», я тебя встречу, мы пообедаем. Здесь прекрасная кухня.

– Хорошо.

– Позвони мне минут за десять как будешь подъезжать, я выйду к тебе.

– Хорошо.

Вызываю по телефону такси. Насыпаю коту в миску двойное количество корма, проверяю воду: вдруг Анька забудет и не придет к нему? Или не сможет открыть дверь? Или случится что-то ещё, и мой котяра, моя барбацуца, останется один. По крайней мере, голодать не будет...

Я еду в такси. Я нервничаю. В очередной раз напоминаю водителю:

– Вы мне только не забудьте за десять минут сказать, что мы подъезжаем...

Украдкой от него смотрюсь в зеркало: хороша ли? Подкрашиваю губы.

– Через десять минут будем.

Я набираю номер:

– Я подъезжаю. Буду через десять минут.

– Понял тебя, Катюша. Жду.

Подъезжаем через три минуты. Иван уже стоит на улице, тревожно высматривает мою машину.

Вот так просто, стоит на дороге кинозвезда, лауреат госпремии, мечта школьниц и студенток, ждёт, когда я приеду.

Замечает. Подбегает. Спешит, чтобы я не успела достать кошелек:

– Сколько?

– Пятьсот рублей.

– Спасибо.

Дает водителю семьсот.

Подает мне руку. Я выхожу из машины, падают все мои сумки, пакет с бумагами, пьесой, документами, завтра же мне на работу, все так нелепо, неловко, я ведь королевой должна к нему приехать, а не менеджером с бумажками.

– Ух ты, сколько у тебя всего...

Чувствую себя тёткой с кошёлками.

Идём в гостиницу. Проходим холл с администраторами:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

Сияющие улыбки. Только меня они все тут и ждали.

Гостиница маленькая, почти домашняя. Но очень дорогая.

Иван проводит меня на террасу, где размещена часть ресторана. Потолок и стены из стекла, диковинные пальмы, комната залита предзакатным солнцем, не хватает только пения заморских птиц.

– Пообедаем здесь, ты не против?

– Нет, конечно, здесь хорошо.

Кроме нас в зале никого нет. Садимся. Девушка с лицом фотомодели несет меню. Вторая фотомодель приносит плоды: на террасе не топят. Иван заботливо меня укрывает. Листаю меню: цены заоблачные. Заказываю какой-то несусветный салат, бокал вина, Иван просит принести ему пельмени...

Пока нет еды, ведёт меня по гостинице, показывает причудливые интерьеры.

Все очень дорого, сделано с отменным вкусом.

Каждый маленький зал – отдельная страна, со своей стилистикой, красками, полутонами. Вот Италия, дальше – Англия, Германия, Испания...

– Нравится?

– Очень!

– Я здесь часто бываю. Мы тут жили два месяца, когда с квартиры на квартиру переезжали.

Про себя думаю: неплохо вы жили...

– Меня тут все знают, я часто сюда обедать приезжаю...

Возвращаемся за столик. Садимся рядом.

Вместо несусветного салата мне приносят много-много травы в тарелке, слегка приправленной креветками и черри.

Сижу, пережёвываю траву.

Запиваю вином. Иван смотрит на меня, глаза – светятся.

Тянусь к нему сама, он меня целует.

Целоваться неудобно: официантки-фотомодели мимо шарятся.

Обнимает меня, сидим как престарелые супруги на пенсии: в клетчатых пледах, обнявшись, с видом на природу.

Неожиданно стало не о чем говорить друг с другом.

Какие-то натяжки возникают.

Рассказывает мне что-то.

Не понимаю ничего.

Думаю про другое.
Киваю и улыбаюсь.

Давай, уедем ото всех

– Давай уедем на день раньше? – говорит мне Иван.

Через несколько дней мы едем на гастроли в Череповец. Везем антрепризу, спектакль режиссёра Андрея, который Иван со знаменитостью играют уже несколько лет.

Помреж, ведущая эту постановку, неожиданно слиняла в Таиланд. Ещё две недели назад ко мне подошел продюсер спектакля и попросил ее заменить.

Я согласилась.

– Зачем – на день раньше? – спрашиваю я Ивана.

– Сбежим от всех. Только вдвоем. Поедем на моей машине.

– А как я это объясню директору?

– Никак. Мы никому не скажем.

– А где мы ночевать будем? Гостиницу нам раньше не дадут.

– Мы сами снимем номер. Соглашайся, устроим своё небольшое путешествие.

Своё путешествие. Я и Иван. Сутки вместе. Мне снится всё это, что ли?

– Хорошо, – улыбаюсь ему, – поехали.

Он целует меня.

Любовь, болезнь и новые трудности

Расплатившись за обед, выходим на улицу.

Оба простужены до соплей.

Течёт из всех щелей, хлюпаем, сморкаемся, пытаюсь сделать это как можно незаметнее.

– Знаешь, куда мы теперь поедем?

– Куда?

– В аптеку. Купим нам с тобой лекарства.

Не такая уж плохая мысль, думаю я. Очень даже романтично.

В аптеке девушка-провизор тут же обалдевает от присутствия звезды. Теряется, роняет медикаменты, всё время возвращается глазами: действительно, он?

Иван покупает нам лекарства: капли от насморка, перцовый пластырь, таблетки, порошки, сироп от кашля, леденцы, микстуры... Все в двойном количестве.

Я пытаюсь сопротивляться: куда мне столько? – Бери, лишними не будут.

Получив деньги, аптекарша, краснея, просит автограф.

Иван улыбается: лишний рубль в его копилку.

Едем к нему домой.

Я сижу в его белом джипе и чувствую себя супер-женщиной. С целым пакетом лекарств в руках и кинозвездой на соседнем сидении.

Еще бы высморкаться как следует...

Квартиру, в которой я уже была, теперь мне показывают вдумчиво и подробно.

Огромная, бессмысленная, холодная площадь. Как здесь можно было жить два года? Только уезжая со съемок на гастроли и с гастролей на съемки. Успокаиваю себя тем, что разгуливаю не по семейному гнезду, а по уже оставленному жилищу.

В какой-то момент Иван меня обнимает, разворачивает к себе.

Глаза в глаза.

Губы в губы.

Сшибая попадающиеся на пути коробки, мы движемся к спальне.

Мне неловко, как всегда это бывает в первый раз. Я преодолеваю застенчивость.

В моих действиях больше механики, чем чувства.

Он что-то прекрасное шепчет мне на ухо, я улыбаюсь.

И тем не менее, неловко.

Даже сейчас, когда вспоминаю.

Ближе к утру просыпаюсь от того, что его колотит. Просто трясёт в ознобе рядом со мной. Осторожно целую его лицо, оно мокрое, точно его поливали из лейки. Он не просыпается.

Иду на кухню, ставлю чайник, размешиваю в чашке лекарство, остужаю, несу в спальню. Бужу его, прошу выпить.

Пьёт как ребенок, потому что надо, потому что сказали, пообещали, что станет легче.

Пьёт и через секунду засыпает. Проваливается в небытие. Через два часа звонит будильник.

Встаю, иду под душ, выхожу, одеваюсь, крашусь, иду на кухню. В холодильнике – бутылка водки и черствая горбушка хлеба. Не густо. Нахожу на полках пачку кофе, сахар, чашки. Не пропадём. Варю кофе в кастрюльке.

Потом возвращаюсь к нему. Бужу осторожно, боясь испугать спросонья.

– Ванечка, вставай, милый. Пора в театр.

Открывает глаза. Глаза больные.

– Я сделала кофе. Есть у тебя нечего, позавтракаем в театре.

– Хорошо.

Глажу его тихонько по плечу. Какая страсть? Только нежность...

– Как ты себя чувствуешь?

– Я сейчас встану.

– Может, отменим репетицию? Ты заболел...

– Нельзя. Я сейчас встану.

Встаёт. Идёт в душ.

Пьём кофе на кухне. Молчим. Тягостно.

Вызываем мне такси.

За Ваней заедет Лёня. Мы должны приехать в театр на разных машинах.

Уезжаю раньше. Целую его:

– Увидимся через двадцать минут.

– Увидимся.

Выхожу из квартиры.

Тревожно

Выхожу и понимаю: меня саму колотит в ознобе. Только не из-за простуды, а из-за осознания: случилось. Ну-ну. Шаг сделан. Звоню Аньке. Кричу ей, сонной, в трубку:

– Попадос! Аня... По-па-дос!

Она подскакивает в моей кровати:

– Что случилось?

– Все случилось! Я влюбилась, дура!

– Сама дура, я испугалась! Разве так можно? Девять утра...

– Я и говорю, что я дура! Ужасная дура, но как прекрасно, Анька, хоть иногда позволить себе быть ужасной дурой...

...

Весь день ему плохо. Я готовлю для него горячий чай, растворяю порошки от простуды, напоминаю, что пора пить таблетки...

Сегодня они репетируют сцену объяснения в любви с Ниной Заречной. Нину играет молодая симпатичная актриса. Меня примиряет с ней то, что она – замужем и любит своего мужа.

Актриса и сама по себе недурна, но над ней работает це-

лая команда профессионалов. Её одевают в чудесное платье, два часа укладывают волосы, штукатурят щеки и красят глаза... А ты тут носишься целый день взмыленной лошадью по коридорам, в зеркало-то взглянуть некогда, а надо держать конкуренцию. Это что, честно?

Как он плачет на сцене от любви к ней! Прямо сердце разрывается. От ревности. Что это он разыгрался сегодня? Никак из-за температуры?

Вот надо же, чтобы такая сцена репетировалась после первой нашей с ним ночи! А на меня он сегодня почти не смотрит...

На меня смотрит московская знаменитость:

– Что-то ты сегодня грустная какая-то, да?

Надо же, заговорил человеческим голосом, заметил кого-то рядом с собой...

– Да, поругалась с начальством...

– Вот я и вижу: что-то с тобой не то...

С благодарностью смотрю на знаменитость.

Это важно, когда рядом кто-то чувствует, что с тобой происходит.

Вечером разъезжаемся по домам. Сталкиваемся с Иваном в коридоре.

– Ну ты как?

– До дома бы доехать...

Ранним утром у него самолёт. Улетает на съёмки в Москву, завтра его не будет.

– Держись, давай. Не проспай завтра, а то не улетишь...

– Я уже попросил Лёню, чтобы он меня растолкал...

– Ну, ладно, пока.

– Пока.

Сухо целует меня в щёку.

Я слегка раздосадована. Во-первых, что с собой не позвал. Во-вторых, что в щёку поцеловал, а не в губы. И вообще, попрощался не так как нужно. Плохо попрощался.

Но он болеет. Что с него взять.

Отпустите, у меня любовь

Возвращаюсь домой поздно вечером, застаю у себя дома Аньку. Открываю бутылку вина, меня трясёт, мне надо выплеснуть всё то, что во мне накопилось за прошедшие сутки.

Анька вина не пьёт. Она сидит на кухне, за столом, напротив, и меня слушает.

Я говорю, говорю, говорю, я просто фонтанирую эмоциями. Останавливаюсь, когда вино у меня заканчивается. Я выпила всю бутылку.

– Анька, – кричу, – мне надо ехать к нему! Он там сейчас один в этой страшной, холодной квартире! Он больной! Ему надо, чтобы рядом с ним был кто-то! Я поеду!

Анька останавливает меня:

– Ну куда ты, в ночь? На часы посмотри...

– Я поеду! Просто буду рядом! Нельзя, чтобы больной человек оставался один! У него температура 39!

– Никуда тебе ехать не надо. Когда человек болеет, ему меньше всего нужно, чтобы рядом с ним крутился кто-то, требующий внимания...

– А я не буду требовать внимания, – почти прошу её я, – я просто рядом полежу... Вдруг ему плохо станет?

– Успокойся уже. Сама спать ложись. Смотри, сколько времени, а у него самолёт завтра рано, дай ему выспаться...

Я даю ей уговорить себя, а ему даю выспаться.

Я никуда не еду.

Хотя, если бы поехала, может, всё было бы по-другому?

Нет. По-другому бы не было.

На следующий день его нет в театре.

День пустой. Он мне звонит из Москвы:

– Как ты, Катюша?

Я расцветаю. Как яблоня с грушей вместе взятые.

– Скучно тут без тебя...

Смеётся.

– Завтра вернусь.

– Как ты себя чувствуешь?

– Ты знаешь, лучше. Лёня меня сегодня еле разбудил, я чуть на самолёт не опоздал, но к счастью успел...

– Я вот так и знала, что это будет нелегко. Что с температурой?

– Температура в норме.

– Как там погода?

– Погода чудесная. Как твои дела?

– Дела мои прекрасны. Жду тебя, возвращайся скорее.

– Завтра буду.

Молчим.

– Целую тебя нежно, меня в кадр зовут.

– И я тебя целую.

– До завтра.

– До завтра.

Завтра

Назавтра я лечу на работу как на крыльях

Вот я вхожу в метро, до Ивана мне еще сорок минут.

Вот я еду в вагоне, смотрю на хмурые лица вокруг, и внутри у меня всё поёт: до Ивана двадцать девять минут.

Иду по улице, солнце мне светит в глаза, я шурюсь: до Ивана мне пять минут по проспекту и две минуты коридоров.

Я захожу в театр. Прохожу мимо вахты, иду через зрительское фойе, поднимаюсь по лестнице, бегу по коридору.

Первая, кого я вижу на своём пути – Ира Дмитриева, его жена.

Стоп. Всё внутри меня падает. Я дервенею.

Она дежурно улыбается:

– Здравствуйте.

Я тоже улыбаюсь:

– Здравствуйте.

В нашем театре принято здороваться с незнакомыми людьми. Как и в любом другом театре, наверное.

Из гримёрки выходит Иван. Смотрит на меня с испугом. Чуть-чуть заикается.

– В-в-вот, хотел вас познакомить. Это – Ира, это – Катя...

– Очень приятно.

– Мне тоже.

Я улыбаюсь из последних сил, быстро ухожу вперёд.

Пристрелите меня кто-нибудь...

Какого чёрта, какого чёрта... ее же ещё два месяца здесь быть не должно...

Встречаю на пути своем водителя Лёню.

– Лёня, а откуда здесь Ира взялась?

– Так они вместе из Москвы сегодня приехали...

– А дети с кем?

– Дети с родителями, наверное... Не знаю.

– Неожиданно так... Я её увидела сейчас, удивилась.

– Я сам удивился, когда они из вагона вместе вышли. Мы с ними еще в церковь перед театром заехали...

– В какую церковь?

– К Ксении Блаженной, на Смоленском кладбище...

Ну всё, держите меня семеро. Они в церковь поехали за благословением Божиим, раскаялись в грехах былых и начали жизнь с чистого листа... А меня – за окошко. Прекрасно.

– Аня! – кричу я в телефон, – Аня, я в шоке! Меня трясёт

всю! Я смотреть на них не могу, что мне делать?

– Успокойся. Всё нормально. Ну, приехала жена, он сам, наверное, в шоке, ну и что теперь? Он же не виноват...

– А кто виноват?!

– Да никто! Ну, приехала жена, а ты здесь причём?

– А я причём?! А я с ним спала позавчера!

– И что?

– Да ничего!

– Но он же не виноват...

– А кто виноват?!

– Ты ведь сама к нему поехала и знала, что он женат.

– Я знала, что они на грани развода, и её не будет здесь два месяца! Если ты возвращаешься домой с женой, значит, нечего других женщин в свою постель тащить!

– Ну, он же не знал...

– А кто должен это знать?! А если я подойду к ней сейчас и скажу: здравствуйте, я – любовница вашего мужа?!

– Ну, ты же этого не сделаешь...

– А с чего он решил, что я это не сделаю?!

– Не сделаешь.

– Да почему?!

– Да потому что не сделаешь.

– Ладно. Не сделаю. Хорошо. А если я сейчас из окошка сигану, потому что меня до смерти достало, что все используют меня по своим надобностям, кто будет отвечать?!

А настроение такое – из окошка самая пора.

Всё время вне сцены они проводят вместе, заперевшись в гримёрке.

В той самой гримёрке, в которой я почти уже месяц чувствую себя как дома.

Теперь, когда мне надо позвать его на репетицию, я стучу, и не захожу сразу же, как было всегда, а жду, пока мне откроют дверь.

Дверь открывают.

Я стою на пороге, не смотрю на него, говорю спокойным голосом:

– Иван, тебя зовут на сцену.

Все нормально, только не смотрю на него. Не могу.

– Сейчас иду.

Разворачиваюсь, ухожу.

Я понимаю, что веду себя неприлично. Нельзя быть такой деревянной, Ира, если она не дура, моментально поймёт, что здесь что-то не чисто, но я не могу заставить себя посмотреть на него. Я физически не могу. Я смотрю в сторону, когда говорю с ним.

Однажды набралась мужества, посмотрела на неё. Очень красивая. Улыбается мне. Прекрасно. Лучше ничего не придумать. Улыбнулась ей в ответ. И шарахнулась куда-то в сто-

рону. А ведь при всём при этом надо еще и работать. И лицо как-то держать, чтобы люди окружающие ничего не поняли.

Через три дня начинаются гастролы в Череповце. У нас с Иваном должно было быть свое маленькое путешествие: «Давай, уедем ото всех на день раньше...»

Через три дня я пойму, на каком я свете.

В пути

Через три дня мы выехали в Череповец всем спектаклем.

У Ивана – отдельное купе, как у режиссера Андрея и московской знаменитости.

Ирина Дмитриева в Череповец не поехала – а, впрочем, могла бы. Отдельное купе, номер-люкс, все условия. Этого я боялась больше всего. Еще на вокзале, перед отходом поезда вглядывалась в толпу: с ней он придёт или без неё?

Если с ней, всё, я умру на месте.

Появился один. Заперся в своем купе. Купе – не в нашем вагоне.

Мы едем своей шумной компанией: Юлия костюмер, Наташа – помощница художницы, Оля – гримёр. У нас весело, к нам стекается потихоньку народ: актёры, осветители, декораторы. Всем не уместиться. Гуляем одновременно двумя купе, потом тремя. Потом – всем вагоном. На столах появляются бутылки, быстро придумывается закуска. Звучат первые тосты. Смех. Анекдоты.

Я все думаю: придёт он за мной или не придёт?

Ну, должен ведь хоть немного дёргаться: что там со мной происходит?

Приходит режиссёр Андрей, присоединяется к пьянке.

Я спрашиваю у него: где Иван?

– Иван? Сказал, что сейчас будет.

Значит, придёт.

От усталости и стресса я напиваюсь с бокала вина.

Меня несёт, я много смеюсь, говорю всем, какие они замечательные люди, откровенничаю с первым встречным. Я всегда так себя веду, когда пьяная. Потом вспоминать страшно.

В коридоре поезда встречаю знаменитость с бокалом в руке. Удивляюсь про себя: он же не пьющий? Говорю ему, какой он прекрасный. Вспоминаю его лучшие фильмы, сильные сцены, восхищаюсь талантом. Кажется, даже глажу его по плечу от нахлынувших чувств. Совсем обалдела уже, дура. Знаменитость улыбается, потягивая из бокала вино.

Ивана нет.

Что же это он? Заперся сычом в своем купе и нос не кажет? Бойтся меня, маленький... Ну, пусть бойтся. Не пойду же я его убеждать, что не собираюсь кидаться ему на шею и закатывать истерику на весь поезд?

Я переполнена внутренним сарказмом и пофигизмом.

Мне плевать. Понятно?

С кем-то на брудершафт. Кому-то про хорошее кино. Кто-то приглашает меня на танец. Смеюсь. Отказываюсь. Сме-

юсь. Выпиваю. Танцуем прямо в коридоре. Благодарю. Смеюсь.

Выхожу в тамбур. Ветер из всех щелей, стук колес, мелькание огней в чёрном окне.

А может выпрыгнуть сейчас с поезда? – думаю я.

И больше не будет у меня в жизни всей этой дряни.

Никакой больше дряни в моей жизни не будет.

Дверь вагона открывается. Оборачиваюсь. В тамбур заходит Иван.

Смотрим друг на друга молча несколько секунд.

Я отворачиваюсь к окну, как и стояла.

Он нервно щёлкает зажигалкой, стоит, курит.

Молчим.

Я, мысленно: ну, скажи, скажи, скажи хоть что-нибудь...

Молчим.

Смотрю на бегущие фонари за окном, но вижу только его напряженное отражение.

Скажи, скажи, скажи...

– Катя... – говорит он.

Я поворачиваюсь.

Смотрим в глаза друг другу.

– Во сколько репетиция завтра, не знаешь?

– В пять.

Он резко стряхивает пепел.

Дверь открывается. В тамбур заходит режиссёр Андрей:

– А я тебя ищу повсюду. Ты чего здесь? Тебя там не хватает...

– Да я проветриться вышла, шумно. И жарко очень.

– Ваня, ты чего не идёшь? Я там виски хороший поставил,

иди, а то он тебя не дождется.

Иван, загасив сигарету, недокуренную и до половины, выходит в вагон. Андрей подходит ко мне вплотную. Глаза в глаза.

– Я весь вечер хочу остаться с тобой наедине...

– Правда?

– Пойдем ко мне в купе. У меня тихо. И не жарко.

– Нет, Андрюша. Я спать уже. Завтра работать.

– Тебе там спать не дадут. Пойдем ко мне.

Я усмехаюсь:

– Нет, я сегодня к себе...

Он вжимает меня в стену, пытается поцеловать:

– Ты же знаешь, как давно я тебя хочу...

Я уворачиваюсь от его губ:

– Ты женат. Хватит. Не надо. Хватит, я сказала! Всё. Ты

женат, Андрей.

В тамбур вваливается пьяная команда монтировщиков. Андрей отступает. Я улыбаюсь монтировщикам, быстро ухожу в вагон.

Бокал, второй, третий. Я не помню, как шла умываться, как падала, споткнувшись о ковер в коридоре, как зависала на каком-то анекдоте у соседей, как добиралась до своих и с шуточками-прибауточками прыгала на верхнюю полку.

Проснулась посреди ночи с чувством внутренней беды. Тишину спящего купе разбавляли остатки пьяных голосов за дверью.

Лежала два часа в крошечной тьме, глядя в потолок.

Колеса выстукивали в моей голове: не думать, не думать, не думать...

Потом всё пропало.

А знаешь, всё ещё будет

По приезду выяснилось, что артисты будут жить в отеле рядом с театром, а вся техническая часть спектакля – то есть, мы – в придорожной гостинице, за тридцать километров от города.

Сей невиданный факт дирекцией был объяснен просто: именно в дни наших гастролей в городе Череповце проходят съезд любителей пчеловодства и сбор общества ценителей хохломы, поэтому все места в нормальных гостиницах выкуплены за месяц.

Это был удар.

Пьяная кутерьма совместного проживания и череда случайностей, которые могли бы меня вновь соединить с Иваном, теперь были исключены. Даже если бы он захотел возобновить то, что так и не было закончено, вереница трудностей, которая вставала на нашем пути, была почти непреодолима.

Надо было определиться с тем, что творилось в моей голове.

Итак. Он меня добивался.

Не надо ухмылок: он – добивался. Я отказывала. Он добивался. Я сдалась, всё случилось. На следующий день приехала жена.

Я получила в поддых, всё закончилось. Самый короткий роман в моей жизни.

Но.

Я ведь не блядь, не шлюшка, которая загуляла на одну ночь. Если я к нему пошла, значит, я что-то чувствую к этому человеку, и вот так – топором по мне – наискосок – нельзя.

Я всё еще не могу поверить про топор, что всё, перерубил.

Мне происходящее кажется каким-то диким недоразумением.

Жена – недоразумение? Нет, жена – разумение. Это я – недо...

Но я-то ведь – живая, нельзя по мне топором, мой дорогой товарищ...

Что делать? Что делать? Что-то надо делать...

И в первый вечер я его ждала. Репетиция закончилась рано, часов в семь вечера, так, пошатались по сцене, выяснили, кто откуда выходит, и решили, что хватит. Встал вопрос, что делать дальше. Иван посмотрел на меня:

– Ну что, в ресторан пойдём?

Я просияла как начищенный пятак:

– Пойдём...

Пока он переодевался, планы изменились.

Вышел из гримёрки хмурый. Я проходила мимо:

– Ну что, идём?

– Голова болит. Не сегодня.

– Ну, как знаешь.

Пошла дальше.

На улице собирали автобус из тех, кого поселили у чёрта на рогах. Надо было садиться. Если не ехать сейчас, потом возникнут трудности, как добираться. Иван с горизонта пропал, я не знала, где он. Не веря, что вечер вот так глупо заканчивается, я шагнула в салон автобуса.

Гостиница для технической части, то есть, нас, оказалась забытым в лесах санаторием, построенным в 60-е годы прошлого века. Душ и туалет – общего пользования – находятся в коридоре. Номера – не номера, а бывшие палаты. Стенки покрыты масляной краской, двери тяжёлые, грязно-белые, на ключ не запираются. «От кого запирается? – спросила дирекция, – здесь все свои». Чужой, и правда, в такую глушь не ползет. Если только специально – за нашими чемоданами.

Стали селиться по двое. Я оказалась одна. Почему-то на меня не хватило пары.

Оно и к лучшему – подумалось. Если Иван захочет меня забрать к себе, это будет менее заметно для окружающих. И кроме того, в отдельной комнате не надо держать лицо, можно выпустить печаль через глаза.

Огляделась. Кровать железная, на которой спала в детстве

в пионерском лагере, стол, покрытый клеенкой, фанерный стул, заимствованный из столовой, в углу – умывальник (моя привилегия – у других не было) и огрызок зеркала над ним.

За окном – унылый октябрьский пейзаж.

Не забалуешь, прямо скажем.

Чемодан я решила не распаковывать: вдруг Иван за мной придет. Подумает-подумает, представит, как я здесь одна, без него, в комнате-тюрьме маюсь, да и придет.

Я только умылась после рабочего дня и переоделась в легкую удобную одежду. Открыла купленную в местном ларёчке бутылку вина. Стаканчика не было, глотнула из горлышка.

За дверью номера хохотали люди. К людям идти не хотелось.

Были слышны голоса, обрывки музыки, шло веселье, театр пил за начало гастролей. Громкость задверного гула стремительно нарастала.

Я вставила в уши наушники, включила музыку. Ту, что всегда выдёргивала меня из самых глубоких ям отчаяния. Глотнула еще вина, легла, не раздеваясь, на кровать, закрыла глаза. И стала ждать.

Всё это ерунда, – подумала я спустя полбутылки.

Разве я раньше не знала, что у него есть жена? Ну, приехала Ира. Ну, уехала Ира. Что я так распахивалась? Главное ведь то, что сейчас. Сейчас её нет. А есть он. И я есть. И мне здесь так одиноко, что просто волком вой. Криком кричи.

В окно выпрыгивай. Пусть он придет ко мне, такси из города стоит копейки, и я больше не буду думать про окно.

Я набираю ему смс:

«Все ерунда. Приезжай за мной».

Отчёт о доставке приходит: получено.

Я жду.

Ответа нет.

Через два часа вино закончилось.

Я смываю косметику с глаз, надеваю пижаму, выключаю свет, прячусь под сырое санаторное одеяло. Холодно. За дверью слышен пьяный гогот.

Он не придет.

Просыпаюсь в шесть утра, за дверью тихо, в комнате темно. Сна нет. До завтрака еще три часа. Спрятав лицо в подушку, вою во все горло. Минуты две.

Потом затихаю.

Вставляю в уши наушники, включаю музыку. Ту, что всегда выдергивала меня из самых глубоких ям отчаяния. Закрываю глаза. Три часа тянутся бесконечно долго.

Для чего я здесь

Встречаемся с ним днём в театре. Первое, что он мне говорит:

– Я у телефона звук забыл включить и прочитал твоё сообщение только утром.

– Ничего, – отвечаю, – я так и поняла.

Расходимся в разные стороны.

– Представляете, – говорю знаменитости, – вы-то живёте в приличной гостинице, а нас поселили за тридцать километров от города, в ужасной дыре.

– Ну, Кэтси, ты же взрослая девочка, сама решаешь, в какой гостинице тебе жить.

О чём это он, думаю. К себе в номер, что ли, приглашает? Ну-ну. Странный человек, ей-богу.

Все гастроли Иван существует сквозь меня.

То есть, он говорит со мной, и на меня смотрит, иногда даже в глаза, но ощущение, что он недосыгаем, он в стеклянном колпаке, и нет возможности не то чтобы поговорить, а просто дотронуться, потому что видишь: стекло.

Выполнять свои прямые обязанности, проявлять заботу о его комфорте и приносить горячий кофе стало невыносимым. Что я делаю? Почему я это делаю? Неужели я вот так ещё полгода – до самой премьеры – буду подавать ему чай?

Для чего я здесь?

Я говорю с Яной по телефону, меряя шагами пустой коридор. Рассказываю, как мне живётся. Я не плачусь в жилетку, я предпочитаю ругаться – едко, колко и смешно.

Я много смеюсь, когда хочется плакать. Мы с Яной смеёмся вместе.

Иван выходит со сцены. Чтобы попасть в свою гримёрку, ему надо идти мимо меня. Он останавливается, это осознав.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга.

Он резко разворачивается, уходит обратно на сцену. Там есть выход в другой коридор.

– Яна, – смеюсь я в трубку. – Он меня боится! Он идёт в большой обход, только бы не сталкиваться со мной нос к носу.

В моем смехе звучат высокие истеричные нотки.

Все пути предначертаны

Мне позвонил продюсер из кинокомпании, с которой я работала весь прошлый год, и сказал, что моя сценарная записка на полнометражный телевизионный фильм утверждена на одном из центральных каналов. Мне выплачивают небольшой аванс – сумму, равную двум моим зарплатам в театре, и за сорок дней я должна написать сценарий.

А я тут готовлю кофе для Ивана Кузнецова, который ходит мимо меня в стеклянном колпаке.

Уходить, уходить с этого проекта. Садиться дома, закрыться на все на замки и писать.

И гори все синим огнём.

Но как уйти? Как бросить всё это?

Я хожу к знаменитости в гримёрку пить кофе. До отъезда на гастроли он попросил принести ему мои сценарии. Теперь он их прочитал, у нас есть тема для разговоров.

Я благодарна ему очень за внимание. За то, что мне есть куда приткнуться на этих гастролях. За то, что меня видят и слушают.

И когда меня долго нет, он шлёт смс:

«Кэт, иди кофе пить, сценариусы обсуждать, про

искусство туда-сюда...».

Он сам готовит мне кофе, и у нас даже появилась примета: как только мой кофе готов, его сразу же зовут на сцену.

Я греюсь здесь своей скулящей душой, своим озябшим от одиночества сердцем.

Мы много говорим про кино, про театр, про жизнь.

Общаться с ним легко. Потому что есть какая-то общность позиций, интересов, понимания. Разговаривать – трудно. Диалог строится в основном в форме монолога, часть из которого я не разбираю из-за его плохой дикции. Он сердится, если я перебиваю его каким-то вопросом: «Ты никогда не слушаешь! Если неинтересно, я могу и не рассказывать...» – «Нет-нет, очень интересно, простите, пожалуйста, продолжайте...» Улыбаюсь самой безоружной своей улыбкой: он прав, я действительно часто перебиваю, из-за того, что в голове моей творится полный разлад. Он бурчит себе что-то недовольное под нос, но продолжает.

Иногда обижаюсь я, когда он обрывает меня на втором слове: «Вот то, что ты сейчас хочешь сказать, это всё сто лет как известно...» – «Да? Ну, тогда вообще, может, со мной не разговаривать, если всё, что я хочу сказать, вам сто лет как известно?» – «Ты опять говоришь мне «вы»... – «Ах, простите!»

Иногда он мне рассказывает какие-то театральные байки-побасенки, и я хохочу до слёз, потому что отыгрывает

он их мастерски, и это безумно смешно. Он смеётся вместе со мной и становится совсем детским.

Иногда рассказывает про себя, какие-то очень личные вещи.

Иногда внимательно меня слушает. Правда, редко.

Мы много спорим. Доказываем друг другу что-то на пальцах. Переспорить его, конечно, нет никакой возможности, просто в силу бешеной энергетики. Это как против пожара с брызгалкой выступать. Потом, на моё «Мне трудно...» – с удивлением: «Тебе со мной трудно?» – «Ну, конечно, вы же давите всё вокруг своим пылающим темпераментом...» – «Да? Это плохо...»

Но пару раз, на следующий день после спора, он подходил ко мне, легонько касаясь плеча: «То, о чём ты вчера говорила, девочка, ты в этом права, конечно...» И я потрясённая застывала от неожиданности, а когда обретала дар речи, его рядом уже не было. Большая редкость – умение признавать чужую правоту, и заявлять об этом после спора, ради какой-то чистой справедливости.

Мне хочется, чтобы Иван увидел мою востребованность. Не приревновал, нет. Смешно ревновать меня к знаменитости, в наших отношениях – ни грамма секса.

А увидел, что я – нужна кому-то, кому-то интересна, кому-то хорошо рядом со мной.

И не кому-то – а умному, успешному, знаменитому и та-

лантливому человеку.

Как же мне уходить с проекта? Как остаться без знаменитости?

Вопрос КАК разрешается жёстким конфликтом.

В каждой человеческой судьбе есть эта тема: кто-то за нас всё давно решил, а мы только реагируем на те углы, которые в правильной траектории расставлены на дороге и, набивая о них шишки, поворачиваем в нужную сторону. С точки зрения сегодняшнего дня я абсолютно уверена: мой уход с проекта был предопределен с самого начала, как и моё на нем появление. Не было возможности у меня миновать этот роман с Иваном Кузнецовым. Не было возможностей и у этого романа. Не зря внезапно приехала из Москвы Ирина Дмитриева. Не зря нас поселили в разных гостиницах. Не зря мою сценарную заявку утвердили именно в этот момент, и потребовали сценарий, хотя снимать его начнут только через восемь месяцев. Не зря случился у меня конфликт с дирекцией. Всё не зря. Не было у меня шансов остаться работать на этом проекте. Все кусочки данной мозаики теперь сходятся, все фишечки стоят на своих местах, всё ведет меня к встрече с моим любимым.

Неожиданно выясняется, что директор театра в один

из вечеров перед самым отъездом, пребывая в алкогольном опьянении, не передал администратору мою заявку на покупку билетов в Петербург. Билеты не купили.

Выяснилось случайно, в телефонном разговоре.

Директор, обозвав меня последними словами, сказал, что заявки от меня не поступало.

– Даже если бы вы были правы, – кричу ему я в трубку, – и я забыла отправить вам заявку, почему вас до последнего не насторожил тот факт, что билеты до сих пор не куплены?

– Да потому что я – директор, а не администратор! – кричит он мне в ответ наипротивнейшим своим голосом, – Я не должен покупать билеты!

– Но ведь все заявки проходят через вас! Вы их сами подписываете!

– Ты не отправляла никакой заявки!

Мы носимся по кругу в этом крике словно бешеные лошади по арене. Ни конца, ни края. Он бросает трубку.

С горящими щеками, как будто меня хлестали по ним долго и с упоением, я звоню продюсеру спектакля. Срывающимся от волнения голосом объясняю, что заявка на билеты была подана. В этом можно убедиться, просмотрев мой почтовый ящик, письмо, отправленное по электронной почте, сохранилось.

Продюсер разговаривает со мной спокойно, но строго. Он не уверен в моей невинности, и, если окажется, что я вру, публичной казни с вычитанием убытков из моей скудной

зарплаты мне не избежать.

Через двадцать минут, добравшись до интернета, я демонстрирую доказательства своей правоты.

Я – невинно пострадавшая. Директор – врун и пьяница. И подлец к тому же.

Добро – в моем лице – оправдано. Зло – обнаружено.

Теперь злодей-директор вынужден поднимать все свои железнодорожные связи, чтобы отправить актеров домой вовремя. Это нелегко, все билеты раскуплены вчистую.

На следующий день я ему позвонила. Ровным голосом сообщила, что работать с ним больше не буду и после возвращения в Петербург уйду с проекта. Он положил трубку. Вопрос с моим уходом для меня был решен.

Болезнь

Все вечера, отыграв спектакль, Иван пил так, что наутро его было не добудиться.

День уходил на то, чтобы прийти в норму. Вечером, опохмелившись, к семи часам, оживал. Отыгрывал свои сцены, после чего снова отправлялся в кабак.

Я захожу к нему в гримерку с программками спектакля.

– Иван, подпиши, пожалуйста, бабушки-билетерши попросили...

Протягиваю ему программки, показываю, где подписать.

– Как их зовут? – спрашивает.

– Не знаю, они не сказали, а я не спросила.

Берёт ручку, кладёт программку поудобнее, рука застывает над бумагой. Думает.

Я жду.

Думает.

Я не выдерживаю:

– Да напиши просто: «Здоровья и счастья».

– Да? Хорошо...

Пальцы, зажавшие ручку, на секунду дергаются, потом опять застывают над бумагой.

Мне становится весело, я улыбаюсь. Понимаю, что процесс затянулся, сажусь на диванчик.

Иван смущается:

– Да-да, сейчас, просто сосредоточиться не могу...

– Ничего-ничего, – говорю, – я подожду.

Пытаюсь понять: что происходит? Любой автограф для неизвестного лица подписывается в секунды, почему он тянет время?

– Да, да, смешно, – говорит Иван, – что же им написать?

– Может, что-нибудь в стихах? – предлагаю я.

– Да... Смешно.

– Нет, нет. Ты подумай, это не лишнее.

– Да... Меньше надо курить, Ваня, меньше надо курить, – говорит он сам себе.

Так. Значит, не только алкоголь, значит, еще и гашиш, – понимаю я.

Лирическое отступление

Я ненавижу его жену.

Не выпуская из рук телефона, он пишет куда-то бесконечные смс. Руки трясутся, самого колотит в ознобе. Судя по выражению его лица, в ответах, которые он получает, хорошие вести отсутствуют.

Где ты находишься, Ира? На съемках? Что ты пишешь ему такого, что от прочитанного его бьёт током, и он гасит свои эмоции в водке?

Слепому видно, что ему уже не справиться в одиночку с этой бедой. Ты – единственная, кто может помочь, и тебя нет рядом. Где ты находишься, Ира, когда отец твоих двух детей горит у всех на глазах ярким пламенем?

Я хотела бы помочь, но я не могу.

Я уйду

– Я уйду с проекта, – говорю я знаменитости, заходя к нему в антракте.

Теперь, когда я точно это знаю, я считаю часы до возвращения домой.

Дома – Анька и Яна. Дома кот Филя. Дома меня любят и ценят. Не выкидывают меня за окошко. До дома надо продержаться совсем немного.

– Я знал, что ты уйдёшь, это был вопрос времени – отвечает мне знаменитость.

– Ну, да, наверное, – соглашаюсь с ним.

– Но ты же не уходишь совсем? Ты же будешь появляться?

– Конечно. Я буду приходить в театр. Я буду очень скучать.

Он не спросил причину. Просто что-то свое про меня понял.

Последняя гастроль

В последний день, сразу же после спектакля мы столкнулись с Иваном в коридоре.

– Виски хочешь? – спросила я его.

Два дня назад я купила бутылку виски, половину которой мы выпили минувшим вечером с Наташей в моей комнате. Оставшуюся часть я принесла в театр.

– У тебя есть?

– Есть.

Он улыбнулся:

– Хочу.

– Сейчас приду, – пообещала я, – иди в гримёрку.

Он улыбнулся ещё раз, лампочка – впервые за все гастрольи – включилась.

Повернулся, пошёл к себе.

Через десять минут я пришла с бутылкой. Разлил по стаканчикам.

Чокнулись с легким шелестом пластика в руках, глаза в глаза. Выпили.

Он с большим интересом углубился в ноутбук, где листал фотографии до моего появления. Фотографии давние, с отдыха в Китае, он листает их с начала репетиций.

Я их знаю все наизусть. Повисла напряженная тишина.

«А вот фиг тебе, – подумала я, – тебе тяжело со мной, но я не уйду».

Молчим.

– Ещё? – тянусь я к бутылке.

– Наливай, – отвлекается он от ноутбука.

Наливаю. Чокаемся. Молча выпиваем.

Он отворачивается к фотографиям. Я встаю у него за спиной. Смотрю.

– Видишь, – показывает он мне картинку, – это район в Шанхае, где мы жили.

– Интересно... – реагирую я.

Молчим.

Я не хочу говорить ему, что ухожу с проекта.

Пусть будет так: он придёт на репетицию в Питере, а вместо меня – другой человек. Хорошо бы еще сменить номер телефона, думается мне, чтобы, если он захотел позвонить, то не дозвонился бы. Вот так: пропасть без следа, насовсем, навсегда.

Ну, это я, конечно, размечталась. Менять номер, которым пользуюсь уже десять лет из-за какого-то... женатого поганца – слишком большая честь.

Разливаю по стаканчикам виски.

– Еще пьём?

– Давай.

Мы молчим.

Ах, какая неловкость!

Мне смешно. По-горькому смешно, немного истерично. Но я глотаю смех.

Ему, наверное, очень хочется, чтобы я ушла. Но я не ухожу.

Терпи, милый, терпи.

Что мне нужно? Трудно сформулировать. Мне нужны простые человеческие слова.

«Прости за то, что всё так вышло...» – меня вполне устроит. Я пойму, что меня всё-таки держат за человека, и учить-вают, что проехали по мне катком, и даже испытывают какое-то подобие вины за это. Я отвечу: «Хорошо». И пойму, что тоже имею дело с человеком.

Мы молчим.

В гримёрку заглядывает костюмер Юля: ей надо забрать костюм. Иван обещает переодеться через три минуты. Юля выходит.

Я отворачиваюсь в сторону: переодевайся. Это нормально в театральных кругах, ничего криминального. Продолжаю тянуть из стаканчика виски.

Неожиданно гаснет свет, какие-то перебои с электричеством. Иван, успевший снять рубашку, шагает к двери. Я поднимаюсь со стула пощелкать выключателем. Мы сталкиваемся в темноте вплотную.

Некоторая неловкость, суета. Я кладу руки на его голые плечи, он обнимает меня.

Смотрю ему в глаза, глаза у него бешеные.

– Соскучился по мне, зараза? – шепчу.

Глаза у него бешеные.

Целую его в губы как тогда.

Руки скользят по его плечам.

Его пальцы оказываются у меня под свитером.

В коридоре слышен голос Наташи:

– Катя! Вы не видели Катю? Катя, тебя зовут...

Я смотрю на Ивана:

– Я сейчас приду.

Выхожу в коридор. В коридоре светло, видимо, у Ивана в гримёрной просто перегорела лампочка. Сталкиваюсь с Наташей.

– Что случилось?

– Зайди к знаменитости, он тебя искал.

Захожу через дверь по коридору в соседнюю комнату, там со светом тоже всё в порядке. Значит, действительно, лампочка.

Знаменитость стоит по центру с собранной сумкой:

– Я тебе тут оставил кое-что.

Сказал, и пошёл, перекинув сумку через плечо.

Ничего не понимая, подхожу к столу. На столе лежит белый альбомный лист, беру его в руки, переворачиваю. На обратной стороне тонкой чернильной линией нарисован грустный человечек в длинном колпаке. Рядом стоят заглавные буквы автографа.

Две недели назад я узнала, что он рисует, и мне понравились его работы. На следующий день я попросила:

– Нарисуйте, мне, пожалуйста, картинку на память.

Он замялся, ответил что-то невнятное. И вот теперь, спустя полмесяца, у меня в руках этот рисунок. Я счастливо прижимаю его к груди. Он сделан для меня. Сердце мне заливает горячей благодарностью. Казалось бы: ну что здесь такого – картинка и картинка? Но меня накрывает волной любви к знаменитости. Не забыл про меня. Чувствует.

Возвращаюсь к Ивану. В гримерке горит свет. Юля собирает раскиданный по частям театральный костюм. Ивана нет.

– Где он? – спрашиваю её.

– Ушел. – отвечает, – Выскочил как ошпаренный. Даже деньги забыл. Вот три тысячи. На столике лежали. Отдай ему.

Юля протягивает мне купюры. Меня душит смех.

– Может, это чаевые? – веселюсь я, – нам троим – тебе, мне и Оле?

– Может быть! – смеётся Юля, – Но ты все-таки спроси!

Я беру деньги, выхожу в коридор, спускаюсь по лестнице, попадаю во двор.

Вижу, как Иван заскакивает в машину. Машина отъезжает. Деньги остаются у меня в руке, я смотрю ему вслед. Такого еще не было: ни до свидания, ни прощай. Вообще-то нам надо было ещё обговорить время отъезда, номер поезда, выезд из гостиницы...

Сбежал после поцелуя как последний заяц.

Я смеюсь в голос, пытаюсь сдерживаться.

Монтировщики грузят декорации, если я начну хохотать тут во всю ширь, придётся что-то объяснять.

Я всё еще не могу поверить в то, что он вот так от меня удрал.

Чума, просто чума.

Из театра во двор выходит с большой сумкой знаменитость. Не заметив меня в темноте, проходит мимо, к машине.

Я, всё еще продолжая смеяться, кидаю ему в спину:

– Вот так и уйдёте, не попрощавшись? Целоваться не будем?

Мне становится еще веселее: всё-таки три порции виски во мне играют, плюс сбежавший Иван. Мне все происходящее кажется гомерически смешным.

Знаменитость останавливается. Возвращается ко мне. Резким движением захватывает мой затылок, с силой прижимает к себе, жёстко целует в губы. От неожиданности я немею, сжав плотно рот, дёргаюсь от него в сторону. Он отпускает меня, уходит молча к машине.

Я стою потрясённая в центре двора с деньгами и его картинкой в руке. Мимо меня монтировщики носят декорации. Начинается дождь.

Не уходи

– Не уходи с проекта, – просит меня режиссёр Андрей в поезде, – Катя, я тебя очень прошу: не уходи с проекта.

– Я не могу, Андрюша, – говорю ему, – у меня конфликт с директором. Я не могу работать с таким человеком, я не хочу работать под его руководством.

– Плюнь на него. Ты же не с ним работаешь, а со мной. Хочешь, я его на место поставлю? Хочешь, он к тебе вообще не подойдёт больше?

– Ты же знаешь, что это невозможно. Я вынуждена с ним общаться по множеству вопросов.

– Ну, не уходи, я тебя прошу. Очень прошу, по-человечески просто.

– Я не могу, Андрюша. Уже всё решили. Уже нашли мне замену.

– Мне плевать на замену. Знаешь, ты кто? Ты дезертир.

– Мне очень жаль, что я ухожу. Честно. Но у меня нет другого выхода, поверь мне.

Занавес

По приезду домой мне сказали, что на мое место нашли замену, но я должна буду выйти на работу, чтобы этой замене всё показать и рассказать. Я попререкалась, но согласилась, понимая всю правоту своих работодателей. Таким образом, красивое исчезновение без объяснений для Ивана кардинально срывалось. Я должна буду представить ему нового помрежа, следовательно, лично сообщить о своём уходе. Сюрприза уже не получится.

Через три дня, отданные после гастролей на выходные, я встретила в театре с девушкой Васей. Полное имя ее было Василиса, но в миру ей суждено было быть Васей, что совершенно понятно. Мы поговорили минут десять, из разговора стало ясно, что девушка не только симпатичная, но и сообразительная.

Ревность змеёй заточила мне сердце.

Приехал Иван, прошел в гримёрку. Мне сказала об этом Наташа. Я предложила Васе пойти познакомиться.

Подошли к двери. Я постучала. На «Войдите!» открыла. Стою на пороге. Смотрю на него. Он на меня. За моей спиной Вася.

– Привет, – говорю. – Ты оставил свои деньги после спектакля в гримёрке. Вот, возьми.

Кладу купюры на стол.

– Спасибо.

Его потряхивает. Видимо, вчера опять была ночь возлияний. Смотрит на меня напряжённо. Расслабься, я тебе больше не угроза.

– Познакомься, пожалуйста, это Вася. С сегодняшнего дня она будет работать вместо меня. Я ухожу с проекта.

Замер как вкопанный. Смотрит во все глаза.

– Здравствуйте, – говорит ему Вася.

Иван не отвечает.

В наступившей тишине можно услышать, как прокручиваются колёсики в его голове, обрабатывая информацию.

В гримёрку шумно заходит режиссёр Андрей, ущипнув меня за ногу.

– Доброе утро всем! Ваня, я тут что подумал насчёт этой сцены...

– Ты знаешь, что Катя уходит? – перебивает его Иван.

– Да.

– Все уже знают, – поясняю я.

– Она дезертир, – говорит режиссёр Андрей, – я ей давно сказал об этом.

Я закрываю снаружи дверь. Мы с Василисой уходим.

– Вот и познакомились, – говорю я ей.

Но сама знаю, что это еще не всё. Через два дня у режиссёра Андрея день рождения. Будет много людей, будет Иван,

будет знаменитость, буду я. Меня пригласили.

К Ивану я больше не захожу, отправляю к нему Васю. Объяснив ей суть работы, посвятив в детали, оставляю её у руля, а сама ухожу пить чай и вести беседы об искусстве к знаменитости. Мы с ним уже почти друзья.

– На меня сейчас Кузнецов наорал, – говорит мне перепуганная Вася, когда мы сталкиваемся с ней за сценой.

– Что случилось?

– Пьеса была открыта не на его сцене!

Прости меня, незнакомая девочка Вася, тебя обидели за то, что ты – не я.

В конце дня, собираясь уходить, я наталкиваюсь на Ивана, курящего в коридоре. Коридор длинный и пустой. Иван – стоит в одном конце, я иду с другого. Мне надо пройти мимо, в сторону не свернуть. Он смотрит на меня с тревогой. Я нахожу в себе силы посмотреть ему в глаза. И улыбнуться. По-настоящему, без сарказма, без подковырки.

Все закончилось. Я ухожу из-за тебя. Потому что у меня нет больше сил выносить твоё предательство. Потому что я – не вещь, которую можно выкинуть на помойку за ненужностью. Потому что нельзя так обращаться с людьми, те-

бя любящими. Нельзя потреблять их, разрывая на куски их душу. Ты, мужчина, ты должен отвечать за свои поступки. И за чувства тех, кто пошел за тобой. Ты – человек, в конце концов. Ты должен отвечать. У тебя это не получилось.

Я уйду не в ненависти. Я уйду с горьким осознанием того, что ты есть.

Я знаю, что ты – болеешь, что сердце твоё издергано, и всё происходящее с тобой происходит от слабости и истощённости внутренней. Я вижу, как тебе плохо. Мне очень жаль, честно. Я улыбаюсь, потому что хочу закончить эту историю светом.

Будь счастливым, Иван Кузнецов, если это возможно. Я улыбаюсь тебе.

Он улыбается мне в ответ во всю ясность своего лица, и обдает таким жаром, что у меня начинают гореть щёки, словно от раскрытой печи.

Я смотрю на него какое-то время, но не хватает выдержки, лицо мое пылает всеми пожарами, я отвожу взгляд и прохожу мимо.

Закончился мой последний рабочий день на этом проекте. Я выхожу на улицу и набираю полную грудь воздуха. Всё!

Пролог

Как началось? Когда? Я знаю, когда началось у меня. Прямо вот до минуты. Не было ничего и в помине, вообще. Потом вдруг раз – и включилось. Что включилось, кто включил? Я не знаю.

А сначала, значит, ничего не было.

На следующее утро после дня рождения режиссёра Андрея мне было очень плохо.

Во-первых, от количества алкоголя выпитого за ночь.

Во-вторых, у меня украли мобильный телефон.

Не то, чтобы вытащили из кармана, нет. Я оставила его в такси, в котором возвращалась домой. Вот до того, как я села в машину, телефон был. А в тот момент, когда вошла в квартиру, его уже не было.

В пять утра, возвращаясь с банкета, трудно контролировать каждую мелочь, вроде минуты, когда телефон выпадает из сумки. Тем более, если учитывать, что в силу некой внутренней своей беспокойности я запьянела в этот вечер со второго глотка. Но есть внутри меня некая сила, которая включается в тот момент, когда ничего уже не работает, и заставляет меня доехать до дома, умыться, надеть пижаму и лечь в постель чистой, незамутнённой девочкой. Эта сила надоумила меня по приезду проверить наличие в сумке телефона

и зафиксировала его в ней отсутствие.

Бросившись к стационарной трубке, я начала названивать на свой номер в надежде, что таксист еще далеко не уехал и, обнаружив мой телефон на заднем сидении машины, обязательно вернётся, чтобы мне его отдать. На два моих звонка ответа не последовало, а на третий телефон отключили. Я билась еще некоторое время в конвульсионной надежде, что это – недоразумение, и телефон мне вернут, но проснувшись утром с дикой головной болью, осознала всю тщетность своих ожиданий.

И трудно было определить, чего жаль больше: сам телефон, который стоил мне некоторую сумму, фотографий с Иваном во время репетиций или сообщений от знаменитости, которые в нем хранились.

С неторопливым, но крайне болезненным осознанием себя в пространстве осторожно двигалась по квартире. Постепенно стала оживать память, и те разговоры, которые я вчера вела, неумолимо восстанавливались до деталей, вылезая на свет своими уродливыми углами, полной своей неуместностью.

Вспомнилось, как ввязалась в дискуссию с известным когда-то артистом, как уверяла его, размахивая руками, в том, что зря он отрешивается от популярного фильма, который сделал его знаменитым: фильм замечательный и работа его

в нем хорошая. Артист, сам неслабо поднабравшийся, обнимал меня по-мужски за плечо – это когда не по-братски, а со значением – и повторял одну и ту же фразу: «Это потому что я – актер очень хороший».

«У, – подумалось мне, – не знаю, как насчёт актера, но дурак ты, по-моему, отменный».

Дальше вспомнилось, как я увидела главного продюсера спектакля, которая, выпив коньячку, смеялась в какой-то компании как девочка. Понаблюдав за ней пару минут и умилившись, я подошла и сказала: «Вот смотрю на вас, Оля, и удивляюсь вашему искреннему смеху. Ведь вы же в кои-то веки на человека похожи. Вы ведь сейчас настоящая. А что с вами происходит на работе? Почему вы все время хамите людям?»

Главный продюсер поперхнулась и покраснела.

Потом всплыл в памяти фрагмент, как я снова гладила по рукаву пиджака московскую знаменитость, повторяя, что он – удивительный талант, но у меня к нему – только НЕЖНОСТЬ... Знаменитость улыбалась.

Потом я снова отвечала режиссёру Андрею, почему мы не будем с ним спать.

И, наконец, в финале я послала сообщение Ивану:

«Забери меня сегодня с собой».

Опять же надо отметить мое нежелание мириться с очевидным. То есть, с его равнодушием. Или малодушием. Хотя причём здесь малодушие? Мне все ещё не давало угомониться мое самолюбие. Или моя любовь к Ивану. Я не знаю, что именно. Я была пьяная.

На сообщение он, впрочем, не ответил. Я расценила этот факт как плевок в душу, что, в общем-то, было недалеко от истины, и подошла к нему в зале. Мы стояли с ним один на один. Оба довольно пьяные. Терять мне было уже нечего. Ну, кроме собственного достоинства. Когда ты пьян, терять достоинство не страшно. Страшно становится, когда ты трезвеешь.

– Я послала тебе смс, – нагло заявила я, глядя ему в глаза.

– Я его не читал, – нагло соврал он, – звук выключен.

– Забери меня сегодня с собой, – продублировала я содержание.

Он засуетился:

– Не могу... я не могу... Ира, когда приезжала, увидела на столе женскую заколку...

– Я тут не причём, – перебила его я, указывая на свою короткую стрижку.

– Но она закатила скандал, так что я не хочу больше проблем...

В принципе, всё сказано, дальше – неинтересно. Мне дали чёткий отворот поворот.

– Значит, нет? – зачем-то уточнила я.

Он промолчал.

– Хорошо, – подвела я черту, – Тогда я уйду к другому.

Он неловко засмеялся, как будто закашлялся. Я повернулась, чтобы пойти к другому.

– Погоди.

Он тронул меня за плечо. Опять – глаза в глаза.

– Почему ты ушла из театра? – спросил он.

«А с чего я буду тебя жалеть? – подумала я, – Пусть у тебя совесть немного поноет, если она у тебя есть».

– Из-за тебя, – ответила, не отводя от него взгляда.

Он снова глупо засмеялся:

– Из-за меня?

– Из-за тебя.

Сказала и пошла прочь. Как раз к тому артисту, который хорошо сыграл в популярном фильме.

Когда всё это вспоминалось наутро, было до противности не по себе. Ну, что казалось бы такого? А вот почему-то не по себе. Вспомнилось также, что, когда ехала в машине с режиссёром Андреем, оплатившим мне такси, пьяна была уже в умат, веселилась без умолку и несла полнейшую ересь. Было стыдно. И ещё жалко телефон.

Днем мы поехали с Анькой на великах в сервисный центр восстанавливать мою сим-карту. Вставив новую карту в старый телефон, получила доступ к своему номеру. В тот же момент мне пришло сообщение: «вам звонил абонент». И номер Ивана. Абонент мне звонил час назад. То есть, на трезвую уже голову. Что он хотел мне сказать после всего сказанного и сделанного? Я этого не знаю. Я не стала перезванивать.

Самый простой способ избавиться от неловкости, рассказать о ней кому-нибудь и посмеяться. Весь день в легком похмельном ознобе я рассказывала всем о своих неловкостях и смеялась. К вечеру как будто отпустило.

В одиннадцать часов, когда я была уже в пижаме – на следующий день после хорошей пьянки всегда ложишься спать рано – пришло сообщение от московской знаменитости:

«ЧЕЛОВЕЧИКУ ЧМОК!»

«Человечик» – это я. И мне – чмок.

Миша

Мне всегда трудно перейти эту грань, когда вот – оно, еще между нами ничего нет, а через полчаса – уже есть, и он лежит рядом голый, я целую его, и он как будто уже немного и мой, как будто уже и родной, раз я его целую.

Вот этот переход от чужого к родному дается мне всегда нелегко.

Я медлю, оттягиваю этот момент, не могу на него решиться.

Чем дольше я знаю человека, тем, как ни странно, меньше шансов на то, что я лягу с ним в постель. Трудно объяснить, но это факт.

У всех моих друзей-мужчин на роман со мной шансов просто нет. Потому что все они мне как бы немного родственники, и секс между нами – это уже некий инцест – в моем не самом здоровом восприятии.

К чему я вдаюсь в такие подробности? К тому, что секс с женатым Мишей, которого я знаю сто лет, никоим образом не входил в мои планы. Ну, вот просто совсем не входил.

Если уж это не произошло десять лет назад, то не было никаких вариантов, что это произойдет после.

Вариант, как выяснилось, был.

Вариантом, который привел меня к Мише, оказался Иван

Кузнецов.

Вернее, тот факт, что меня кинули через колено, и я ушла из театра.

Когда уходишь с шумного, многолюдного, каждый день наполненного событиями проекта в пустую одинокую квартиру из-за того, что тебя бросили, а за окном – холодный октябрь плачет дождем, девяносто девять процентов из ста, что тебя накроет с головой такая беспросветная депрессия, что утро от вечера будет не отличить.

Единственное, что может помочь в данном случае не превратиться в тоскливого зомби – срочный роман.

Я – девушка из серии «сделай себя сам», меня с роду никто никогда из депрессий не вытягивал, никто мною не занимался, по пятам с уговорами собраться с силами за мной не ходил. Сама себя за шкурку по примеру барона Мюнхгаузена из любого болота, потому что если не я, то никто, а тонуть в вязкой тине – пока не по мне.

Если роман с другим мужчиной – это единственное лекарство, значит, будет роман. Других способов лечения нет. А есть Миша.

И тут как раз пришло от него сообщение.

Два месяца после разборок про яму, куда я не хочу падать,

и прочие прелести женатого романа – тишина, не писал ничего, а тут на тебе:

«Как твои дела, Катя? Как театр?»

Нет никакого театра, отвечаю ему, я ушла с проекта.

«Значит ты теперь свободна?»

Абсолютно.

«Я так и знал, что ты уйдешь, ты – другая, тебе трудно».

Ничего мне не трудно, хоть я и другая, вернее, трудно, конечно, но ушла я не из-за этого, а потому что мозгов хватило влюбиться в женатого алкоголика.

Но я это Мише не пишу, а ставлю улыбочки и многоточие...

«Значит, пойдём в кино?» – спрашивает меня Миша.

«Значит, в кино», – отвечаю я.

Про племянника Чикатилло

Московская знаменитость шлет мне по двадцать, тридцать смс в день. Эти сообщения смешные, они меня радуют, я на них отвечаю. Зачитываю то Яне, то Аньке. Мне кажется наша переписка забавной. Ну, и, конечно, мне немного лестно.

Так говорите театр? И где чего?)))

Мы договорились пойти на спектакль моих друзей, который я ему очень хвалила. Это было продолжением разговора на тему «питерских дешевых артистов». Осадочек все еще во мне бурлил.

*Я уточню чуть позже. Ты 12-ого выходной или нет?
Своди меня в кино на Вуди Аллена...*

Я готова идти в кино когда угодно, только выдерните меня из пустой холодной квартиры.

Знаменитость

Пошли сегодня?

Я

У меня сегодня с 16.00. ламинат кладут и плитуса крепят

Знаменитость

До ночи будешь плитус класть?

Я

Судя по тому, что еще не начали, до ночи

Знаменитость

Ну жаль. И 12-ого у меня уже рабочий день...

Я

Вот это действительно жаль.

– Знаменитость тебе не просто так пишет, – говорит мне Анька, – Он явно на тебя виды имеет.

– Да ну, – отмахиваюсь я, – ерунда. Никакие виды он не имеет.

Мне хочется так думать, хотя внутри что-то все-таки ёкает: ну что, неужели имеет?

Все так здорово и забавно у нас с ним происходит, я уже так привыкла к его незримо присутствию в моей жизни, что хочется думать, что у него есть какая-то внутренняя потребность в общении со мной.

Неужели опять все сводится к неизменному блядству? Со мной что, нельзя просто как с человеком общаться? Обязательно трахаться надо?

Меня знаменитость с мужской точки зрения не волнует никак. Значит, опять вдаваться в подробности, отказывать, изворачиваться от неловкости, объяснять, извиняться...

Ну, фу просто.

Знаменитость

И все? И конец нежности твоей пришел?

Я

Нет, твои выходные на мою нежность не влияют :)

**Знаменитость.) КОГДА ПОЯВИШЬСЯ,
НЕЖНАЯ?)**

Я

*Ну, может быть, ты 12-ого не целый день будешь
занят?*

Знаменитость

Это вряд ли, думаю.. Невыгодно ж!..)

Я

И когда же теперь выходной?

Знаменитость

А сегодня!

Я

*Что ж ты меня раньше в кино не позвал? я бы
рабочих не звала...*

Знаменитость

*Мне сложно проявлять инициативу – сразу
инкриминируется бог знает что! Побавиться начал,*

знаете ли... Вы ж во мне исключительно носителя тестостерона видите! Если не внучатого племянника Чикатилло...

Был один момент в нашей переписке, в мой последний рабочий день, когда стал меня в сообщениях в гости звать, а я ответила, что не пойду.

«Пятеро детей и жена не позволяют мне вольностей в вашу сторону» – что-то такое изящное написала ему, а он обиделся страшно и начал мне строчить сообщения, что ничего «ТАКОГО» он не имел в виду. Детский сад.

Я

Мне кажется, внучатые племянники за дедов не отвечают :) если выходного не дожидаться, значит, я приеду в театр :)

Знаменитость

Да нет, я могу и через кого-нибудь твои тексты передать, если Вы об этом, мэ.

У него лежат мои сценарии, было бы неплохо забрать их.

Я

Нет, я не о текстах, я о совместном кофе :)

Знаменитость

В театре??? Я совсем перестаю тебя понимать, по-ходу.. Сложновато больно все как-то ты выстраиваешь и, непонятно.. А зачем? Ты сама себя еще не перехитрила, а, Кэт?

Я

По-моему, все просто: соскучилась – приехала. В чём ты видишь подвох? :)

Знаменитость

Вообще-то я тебя уже приглашал.. Но в театр-то зачем?.. Ты сама-то оцениваешь то, что говоришь?.. ты можешь со мной встречаться только при наличии глаз кругом? Ты это серьёзно?..

Я

Вот о чем я думаю в последнюю очередь, так это о наличии глаз :) в театр я так и так как-нибудь приеду. А на кофе – жду тогда от тебя персонального приглашения, когда у тебя будет время.

Знаменитость

Пугаешь меня ты.. Взаимоисключающие слова постоянно.. Может тобой движет просто корысть – как бы развести потенциального работодателя аль связующее звено с акулами кино? Так тут проще! Циничней надо – я, например, заинтересовался и все равно буду двигать тебя, как творческую единицу! Отделяй зерна от плевел – нежность в зачет тут не пойдет, прости, никак. Сорри! прагматизъм.

Читаю и офигиваю. По-другому не скажешь. Тут же приходит еще одно.

Знаменитость

Нежность и теплота тут тока помешают, моя хорошая! Дело будет страдать. Так что – не нервничай, все хорошо. Это все нормальды, и не надо ко мне ничего особенного испытывать! Крайне необязательно!

Надо же, как его вставило.

Я

Вот так взяла и ни за что получила напморде. Хорошо.

Знаменитость

Да никакой морды, ты че? Нормальды. Я всегда пытаюсь что-то сделать для талантливых людей – их мало! – да и в свое время мне тож помогали. Это только бездарности через sex пытаются чего-то там. Но это все на раз, на два. Настоящее все приходит трудно.

Я

Я только одного не поняла: за что мне сейчас врезали?

Знаменитость

Ну... Вижу не находим общего языка. Жаль. Еще раз, для особо одаренных: по работе мы можем общаться где угодно, как угодно, в театре, кстати, не лучший вариант. А то, что ты мне нравишься как

красивая женщина – вынеси за скобки. Я уж и жалею, что дал тебе это понять.

Ого! – подумала я, – Это что-то новенькое. Что-то мы об этом еще не говорили.

Я:

А общаться – и по работе, и без работы – и не спать при этом друг с другом, мы можем?

Знаменитость

Вот хамло-то.. Да я когда это тебе предлагал-то?? Бредишь? Аль мания величия?

Вот после этого меня накрыло. Я смеялась долго и до слёз. Самое лучшее сообщение, которое когда-либо я получала.

Я:

Тогда я еще раз удивляюсь: я за что по мордам получила?

Знаменитость

Где?

Молчу.

Знаменитость

Нет. Не получается у нас общение, ну никак!! Ладно. Надумаешь свидеться – звони, пиши. Человеку – чмок.

Ну, уж нет, – сказала я, – безнаказанно ты мне хамить не будешь. Придется отвечать.

Я:

В ответ на мои слова об уважении и нежности ты уличил меня в корысти и желании добраться через тебя к акулам. Не получается у нас общение!

И тут же следом:

Я:

Ты забыл еще про банкиров упомянуть. У тебя же есть друзья-банкиры? К ним я тоже через тебя хочу добраться!

Знаменитость

))) Ну как хошь!

На этом я посчитала разговор исчерпанным. Но часа через два пришла новая весточка.

Знаменитость

Ну, вот – полбутылочки вина и исправил настроение. Умеешь ты все испортить. Талант – он во всем талант.

Я:

Теперь осталось только мне бутылочку открыть...

Знаменитость

Змея ты.. Вот что.. Коварная.. Вероломная...

Я:

«Варвара самка ты, тебя я презираю, волчица

подлая и мерзкая при том».

С этого момента пошли цитаты из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

Знаменитость

«ГРАФИНЯ ИЗМЕНИВШИМСЯ ЛИЦОМ БЕЖИТ ПРУДУ»...

Я:

Грузите апельсины бочками. Братья Карамазовы.

Знаменитость

«Я к вам не шел навеки поселиться».. хоть и есть у меня зеленые карпетки..

Я:

Я, конечно, не херувим. Но я чту уголовный кодекс. Это моя слабость.

Знаменитость

«Вы нежная и удивительная..»

Я:

Вы не в церкви. Вас не обманут.

На том и распрощались около часа ночи.

Межвременье

Время, когда я не понимаю, на каком я свете. Я ушла из театра. Мне теперь не надо ходить на работу, я сплю, сколько могу, и сижу по ночам в интернете.

Я потихоньку разгребаю домашние дела, которые накопились за время работы. В частности – ищу рабочих, чтобы постелили мне пол в коридоре. Предыдущие труженики, взяв у меня аванс, на работу больше не вышли и на звонки телефонные отвечать перестали. Два месяца я ходила по бетонному коридору, переодевая тапочки перед дверью в комнаты.

Я начинаю писать заказанный мне сценарий. Это всегда трудно после большого перерыва. Тем более, сюжет я придумывала полгода назад.

У меня внутри болевой комок. Я плохо сплю. Я худею. Я забываю о встречах и времени, я путаюсь в пространстве. У меня лезут губы. В прямом смысле: каждый день по несколько раз я снимаю слезающий с них слой кожи. Авиаминоз на почве стресса. В уголках рта затаились уродские болячки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.